
МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-115-173
УДК 821.161.1

«...Я был бы счастлив найти свое маленькое местечко в русской литературе...»: Письма Авраама Высоцкого Максиму Горькому

© 2020, В. Хазан, Р. Кацман, Л.Г. Жуховицкая

Аннотация: Публикуемые материалы представляют собой переписку Максима Горького и Авраама Лейбовича Высоцкого, которая много лет ожидала издания. Публикаторы ставят вопрос о месте А.Л. Высоцкого в еврейской литературе на русском языке и в русской литературе. Отмечается, что творчество Высоцкого, которое было оценено М. Горьким, напечатавшим ряд произведений писателя в редактируемых им журналах «Летопись» и «Беседа», не вошло в канон как русской литературы и ее русско-еврейской ветви, так и израильской литературы на русском языке. Биография писателя, генезис и поэтика его творчества до сих пор оставались за пределами внимания исследователей, и одной из задач данной публикации является попытка заполнить эту лауну. Во вступительной статье с опорой на архивные материалы реконструируется биография Высоцкого, уточняется ряд важных фактов, в том числе дата его рождения, представлена информация о его образовании, литературной деятельности и связи с сионистским движением, описываются наиболее значительные периоды его жизни в России и Эрец-Исраэль, куда он репатрировался в 1920 г., а также сообщаются сведения о переводах его произведений на другие языки и опытах их постановки на театральной сцене. Особое внимание публикаторов сфокусировано на истории взаимодействия никогда не встречавшихся лично Высоцкого и Горького, развивавшемся исключительно в переписке, которая первоначально касалась попыток Высоцкого предложить свои рассказы Горькому для публикации в его журналах. Письма печатаются по автографам из Архива Горького (ИМЛИ им. А.М. Горького). Публикация дополнена двумя приложениями, содержащими очерк Высоцкого «Максим Горький и сионизм» и его драму «Кровь Маккавеев».

Ключевые слова: М. Горький, А.Л. Высоцкий, русско-еврейская литература, сионистское движение.

Информация об авторах: Владимир Хазан, доктор наук, профессор, Еврейский университет, Иерусалим, Израиль. E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

Роман Кацман, доктор наук, профессор, Бар-Иланский университет, Рамат-Ган, Израиль. E-mail: roman.katsman@biu.ac.il

Лариса Григорьевна Жуховицкая, инженер-исследователь, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: zuhovicki@gmail.com

Цитирование: *Хазан В., Кацман Р., Жуховицкая Л.Г. «...Я был бы счастлив найти свое маленькое местечко в русской литературе...»: Письма Авраама Высоцкого Максиму Горькому // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 115–174. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-115-174*

Более трех десятилетий назад авторы-составители книги «Горький и еврейский вопрос» писали о том, что среди многих архивных документов, связанных с темой «Горький и евреи», ждет «своей публикации переписка Горького с А. Высоцким...»¹. Горьковская корреспонденция А. Высоцкому вошла в полное собрание писем русского писателя; пришла пора, чтобы в полном объеме представить и ее ответный эпистолярный корпус. Этой задачей и продиктована данная публикация.

А.Л. Высоцкий относится к третьей волне еврейской эмиграции в Палестину и может считаться частью ее литературы. Однако, в отличие от большинства писателей и поэтов того времени, он не перешел на иврит, которым прекрасно владел, и, за исключением нескольких заметок в прессе, медицинских брошюр и детской книги о гигиене зубов, писал только по-русски, заботясь о переводе своих произведений на иврит, идиш и другие языки. В письме редактору нью-йоркского идишского журнала “Zukunft” Аврааму Лесину (собств. Валт; 1872–1938) от 15 сентября 1926 г. Высоцкий сетовал на свое отчаянное положение писателя, живущего в Палестине и пишущего по-русски:

Нет исхода, нет той руки помощи, что могла бы вывести на дорогу. Красная литература охраняется штыками, эмигрантская — с каждым днем хиреет. Среди евреев я — русский писатель!²

Высоцкий оставил литературный труд в 1933 г. Таким образом, он относится к последнему предвоенному поколению русско-еврейской литературы, к которому принадлежат такие фигуры, как Осип

¹ *Горький М.* Из литературного наследия: Горький и еврейский вопрос / Авт.-сост. М. Агурский, М. Шкловская. Еврейский университет в Иерусалиме; Центр по исследованию и документации восточноевропейского еврейства, 1986. С. 25.

² YIVO (Yiddish Scientific Institute), New York. Abraham Liessin Papers. RG 201, folder 434.

Дымов и Владимир Жаботинский, Исаак Бабель и Осип Мандельштам, Андрей Соболев и Семен Гехт и др. Точнее, писательский путь Высоцкого ведет от русско-еврейской литературы образца позднего еврейского просвещения — через русско-еврейскую эмигрантскую литературу, включающую свидетельство об Октябрьской революции и Гражданской войне, — к «новому палестинскому тексту»³, русско-израильской литературе. Это был путь от *итетла* (еврейского местечка) к *мошаву* (поселению в Эрец-Исраэль), от образа еврея-неудачника, своего рода «лишнего человека», к образу пионера-поселенца. В его произведениях нетрудно заметить следы сибирских тем Владимира Короленко и Георгия Гребенщикова, а также романтической символики и топики гор, идущей от Пушкина и Лермонтова, плавно переходящей в поселенческую романтику строителей новой земли и нового общества.

Если русско-еврейские литературные интеракции в опыте перечисленных выше писателей — при всей сложности, зыбкости и неопределенности термина «русско-еврейская литература»⁴ — выглядят хотя бы отчасти описанными и тем самым как бы рецептивно усвоенными, «привычными», «устоявшимися», то модель Высоцкого — индивидуальная русскоязычная творческая стратегия в ивритоязычном социальном и культурном локусе — претендует на известную уникальность.

В культурной жизни подмандатной Палестины Высоцкий не был фигурой знаковой или сколько-нибудь популярной, хотя поддерживал тесные бытовые и творческие связи с теми, кто задавал

³ *Тименчик Р.* Русское слово о Земле Израиля // Лехаим (Москва). 2006. № 4 (168). URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/168/timenchik.htm> (дата обращения: 29.11.2019). О возникновении «палестинского канона» см. также: *Тименчик Р.* Глаз и слово // Лехаим (Москва). 2006. № 8 (172). URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/172/timenchik.htm> (дата обращения: 29.11.2019).

⁴ См. попытку определить понятийные границы этого феномена в работах Ш. Маркиша, в особенности в статье «Русско-еврейская литература: предмет, подходы, оценки» (Новое литературное обозрение. 1995. № 15. С. 217–250), которая, при всей спорности, содержит попытку теоретической классификации эмпирического материала. См. также: *Shrayer M.D.* General Introduction: The Legacy of Jewish-Russian Literature, in *Voices of Jewish-Russian Literature* / Ed. by M.D. Shrayer. Boston, 2018. P. XXI–LVIII; *Hetényi Z.* In a Maelstrom: The History of Russian-Jewish Prose (1860–1940). Budapest; New York, 2008. P. 32–33; *Murav H.* Music from a Speeding Train: Jewish Literature in Post-Revolution Russia. Stanford CA, 2011. P. 4; *Smola K.* Contemporary Russian-Jewish Literature and Reinvention of Jewish Poetics // *Around the Point: Studies in Jewish Literature and Culture in Multiple Languages* / Ed. by H. Weiss, R. Katsman, B. Kotlerman. Newcastle, 2014. P. 607–638; *Katsman R.* Boris Pasternak's Doctor Zhivago in the Eyes of the Israeli Writers and Intellectuals (A Minimal Foundation of Multilingual Jewish Philology) // *Around the Point*. P. 643–686; *Katsis L., Tolstoy H.* *Judaica Rossica — Rossica Judaica // Jewishness in Russian Culture: Within and Without* / Ed. by L. Katsis, H. Tolstoy. Leiden, 2014. P. 1–20, etc.

в ней тон, прежде всего с национальным еврейским поэтом Хаимом Нахманом Бяликом (1873–1934). По словам Александра Мишори, внука Высоцкого, он состоял в дружеских отношениях с известным скульптором, основателем израильской художественной академии «Бецальэль» Борисом Шацем (1866–1932). В семейном архиве сохранилось письмо-соболезнование, написанное по поводу кончины Высоцкого писателем, поэтом, переводчиком и публицистом Ицхаком Ламданом (1897–1954), редактором «Гильонот» — авторитетного литературного журнала в Палестине, а потом в Израиле. Наверное, несложно отыскать еще некоторые свидетельства тому, что существование Высоцкого в литературной, культурной и общественной жизни и среде в Эрец-Исраэль его времени не являлось особнячковым и замкнутым. Чужим среди своих он, безусловно, не был. И тем не менее вопрос о том, какое место он занимает в истории еврейской литературы на русском языке, остается открытым. С этим неразрывно связана другая непростая дилемма — о принадлежности Высоцкого миру русской литературы: сумел ли он хоть в какой-то степени оставить в ней свой след и не оказаться полностью чужим среди чужих.

Корпус произведений Высоцкого составляют романы, рассказы, публицистические фельетоны, эссе, а также несколько пьес. Прежде всего следует упомянуть рассказы, опубликованные в журналах М. Горького: «Его родина»⁵ и «В Палестине»⁶, рассказ «Нитка жемчуга», который сначала появился в строенной книжке короленковского «Русского богатства»⁷, а вторично — в барнаульском журнале «Сибирский рассвет»⁸. Несколькими текстами представлен Высоцкий в барнаульских газетах «Жизнь Алтая», где рассказом «Синий Алтай» он, судя по всему, дебютировал на литературном поприще⁹, и «Сибирская жизнь»¹⁰. По-видимому, ему принадлежит рассказ «На травке», напечатанный в томском журнале «Сибирский студент»¹¹, на что указано одним из наиболее авторитетных сибирских библио-

⁵ Летопись. 1916. № 6/7, июнь. С. 50–72.

⁶ Беседа. 1925. № 5. С. 122–159. Публикация имеет подзаголовок «очерк» и точную авторскую датировку: 8 февраля 1924 г. Она представляет собой первую главу «Последняя жатва», романа «Зеленое пламя» (1928).

⁷ Русское богатство. 1918. № 4–6, апр.–июнь. С. 164–187.

⁸ Сибирский рассвет. 1919. № 8. С. 4–30.

⁹ Жизнь Алтая. 1914. № 33, 9 февр. С. 3–4; № 37, 14 февр. С. 3–4. Далее в этой газете были напечатаны рассказы «С дороги (На пароходе)» (1914. № 149, 6 июля. С. 3), «На Оби» (1915. № 109, 22 мая. С. 3), «Черта» (1915. № 261, 26 нояб. С. 3), «Воспоминания о лете (Из повести “За рекой”)» (1915. № 276, 13 дек. С. 2–3).

¹⁰ «Кровавые сны» (1914. № 245, 9 нояб. С. 5); «Первое мгновенье» (1915. № 104, 17 мая. С. 3).

¹¹ Сибирский студент. 1915. № 7/8. Стлб. 19–28.

графов Н.Н. Яновским¹² (смущает, правда, то обстоятельство, что в оглавлении в качестве инициала отчества фигурирует буква Р., т.е. А.Р. Высоцкий, которая, впрочем, может быть следствием издательско-типографской ошибки), и стихотворение, которое вошло в сборник «Опыты Литературно-научного кружка», изданный в Омске:

Не бывает розы без шипов колючих,
 Не бывает счастья без горячих слез,
 Не бывает счастья без страданий жгучих,
 Без надежд погибших, без разбитых грез...
 Чем шипы колючей, тем прекрасней розы,
 Тем их запах чудный тоньше и нежней,
 Чем страданья жгучей, чем обильней слезы, —
 Тем минуты счастья глубже и ясней...¹³

Наконец, в «крупной» форме Высоцкий достиг некоторой известности благодаря романам «Зеленое пламя» (1928), «Суббота и воскресенье» (1929) и «Тель-Авив» (1933). Некоторые его рукописи, как, скажем, рассказ «Файзу́» или пьеса «Кровь Маккавеев», остались неопубликованными и неизвестными даже специалистам. Рано оцененное Горьким творчество Высоцкого не вошло в канон как русской и русско-еврейской, так и израильской литературы. Биография писателя, генезис и поэтика его романов остались за пределами внимания исследователей.

Неопубликованные рукописи и документы Высоцкого обнаружены недавно в семейных архивах его внуков: израильского искусствоведа Александра Мишори и Ильиль Арбель — англоязычной писательницы, проживающей в Нью-Йорке, автора книги о последних годах семьи Высоцкого в России и поездке из Бийска в Палестину, написанной на основе воспоминаний ее матери, дочери Высоцкого Иды Розенфельд¹⁴. Материалы семейного архива позволяют существенно дополнить биографическую картину и исправить ошибки, которыми полны предыдущие, к сожалению, весьма немногочисленные и фрагментарные упоминания о Высоцком.

¹² Яновский Н.Н. Материалы к словарю «Русские писатели Сибири XX века»: Библиографические сведения. Новосибирск, 1997. С. 42.

¹³ Опыты Литературно-научного кружка. Вып. 2. Омск: Тип. Акмолинского обл. правления, 1918. С. 157.

¹⁴ Arbel I., Rosenfeld I. The Lemon Tree. Kindle Edition (2014-09-06). Сокращенный вариант этой книги (“paper version”): Rosenfeld I., Arbel I. The Lemon Tree. Middletown (Conn., USA), 2018.

Авраам (Аврум) Лейбович Высоцкий родился в местечке Жорнице (ныне Винницкая область) 6 января 1884 г. (25 декабря 1883 г. по ст. ст.). В «Энциклопедии основателей и строителей Израиля» Давида Тидхара указана другая дата — 2 ноября 1883 г.¹⁵ Эта ошибка кочует и по другим источникам, хотя подлинную дату рождения Высоцкого установить нетрудно; он ее и не скрывал, несмотря на распространенный среди евреев в прежние времена обычай менять дату рождения, если она выпадала на рождество. В переписи населения Тель-Авива, проводившейся в 1922 г., указан его возраст — 38 лет¹⁶. В документах Хевра Кадиша (еврейское похоронное агентство, следующее галахическим законам погребения) указан тот же год рождения — 1884. Наконец, в семейном архиве обнаружены документы, которые указывают именно этот год рождения писателя и одновременно проливают свет на его юношеские годы и полученное им образование¹⁷: свидетельство Липовецкого городского двухклассного училища от 30 мая 1896 г. и свидетельство Императорского Новороссийского университета (ныне Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова) от 13 октября 1903 г. Из первого мы узнаем, что Высоцкий «в испытательной комиссии при Жорницком Народном училище успешно выдержал испытание в знании курса начального народного училища». Давид Тидхар в упомянутой выше Энциклопедии пишет, что Высоцкий имел «традиционное еврейское образование» и учился в Немировской гимназии¹⁸, однако никаких документов, подтверждающих это, найдено не было (в знаменитой Немировской гимназии учился главный герой романа Высоцкого «Тель-Авив» и некоторые герои романа «Зеленое пламя»).

Во втором документе сказано: «образование получил домашнее». Это свидетельство давало Высоцкому разрешение преподавать математику, «но только своим единоверцам». Подписано оно тогдашним ректором университета Алексеем Николаевичем Деревиким (1859–1943). Никаких свидетельств, подтверждающих, что в Новороссийском университете Высоцкий учился на дантиста, не обнаружено. Однако известно, что там он встретил свою будущую жену

¹⁵ URL: <http://www.tidhar.tourolib.org/tidhar/view/4/1725> (дата обращения: 29.11.2019).

¹⁶ Архив Тель-Авива. URL: http://www.isragen.org.il/siteFiles/13/79/7904.asp?item_id=129307 (дата обращения: 30.11.2019).

¹⁷ Сохранилось также письмо Высоцкого, написанное 10-го февраля 1949 г., за несколько дней до кончины, адресованное некоему Рувиму Борисовичу в Бийск, в котором он упоминает свой возраст — 65 лет.

¹⁸ То же: Краткая Еврейская Энциклопедия. Т. 1 / Гл. ред. И. Орен (Надель), М. Занд. Иерусалим, 1976. Стлб. 755; Российская Еврейская Энциклопедия Т. 1 / Гл. ред. Г.Г. Брановер. М., 1994. С. 253.

Адассу Винницкую (15 декабря 1883 — 15 февраля 1954), которая изучала медицину и была «одной из первых женщин, допущенных к учебе в университете в Одессе»¹⁹. «Ее отец (Израиль, сын Иосифа) был управляющим имением богатого помещика»²⁰. Авраам и Адасса, как свидетельствует приглашение на их свадьбу, сохранившееся в семейном архиве, обвенчались в октябре 1905 г. в местечке Дашев Киевской губернии (ныне Винницкая область, в 30-ти километрах от Жорнища). Вероятнее всего, именно в Одессе примерно в 1903 г. Высоцкий познакомился с Х.Н. Бяликом, и там завязалась их дружба, хотя Бялик был на десять лет старше и уже в то время приобрел известность.

Д. Тидхар отмечает, что Высоцкий изучал стоматологию в университетах Чикаго и России²¹. Однако единственный в этой связи документ, который удалось обнаружить, — копия удостоверения о том, что Высоцкий «удостоен звания зубного врача», выданного Медицинским факультетом Императорского Харьковского университета 28 февраля 1907 г. В том же году у Высоцких родился сын Александр, который скончался 4 марта 1917 г. в Бийске от скарлатины. Как удостоверяет в записке Бийский раввин, мальчик был «погребен по иудейскому ритуалу на еврейском кладбище в г. Бийске». Документ, хранившийся все эти годы в семейном архиве, датирован 25 июля 1919 г. и выдан, очевидно, по просьбе семьи, которая в то время готовилась покинуть Россию.

Надо полагать, что именно в Одессе и Харькове Высоцкий оказался вовлечен в сионистское движение. Журналист и писатель Абба Ахимеир (собств. Аба Шойл Гайсинович; 1897–1962), один из политических лидеров еврейского *шувва* (поселения) в Палестине, сионист-ревизионист, хорошо знавший Высоцкого, пишет, что в «пятом году» (т.е. во время революционных событий 1905 г.) тот был членом партии эсеров²². У нас нет свидетельств революционной деятельности Высоцкого, но можно предположить, основываясь на некоторых замечаниях в воспоминаниях Иды Розенфельд, что в числе многих других он был преследуем царскими властями за

¹⁹ *Arbel Ilil and Rosenfeld Ida. The Lemon Tree. Kindle Edition (2014-09-06). P. 145–146.*

²⁰ *Ibid.*

²¹ Ту же информацию содержит статья о Высоцком в 1-м томе «Краткой Еврейской Энциклопедии» и ее перепечатка в «Российской Еврейской Энциклопедии».

²² *Ahimeir A. Avraham Vysotsky: Tel Aviv be-rusit <Тель-Авив по-русски> // Ahimeir Abba. Ktavim nivharim. Vol. 6: Eyn hakore: Sofrim ve-sfarim, itonaim ve-itonim <Избранные сочинения. Т. 6: Источник зывающего: Писатели и книги, журналисты и печать>. Tel Aviv, 2003. P. 131–133 (впервые: *Herut* (газ.). 1949, March 11, под псевдонимом “А. Арика”).*

сионистские убеждения. Именно это заставило его отправиться в добровольную ссылку в Сибирь примерно в 1908 г. Таким образом, он отнюдь не был сослан властями как революционер, вопреки утверждениям в некоторых источниках, возникшим, вероятно, вследствие ошибочного восприятия романа Высоцкого «Суббота и воскресенье» и его рассказов как автобиографических²³.

1908 год был весьма неудачным для российских сионистов. Израильский историк и публицист Ицхак Маор пишет:

На основании этого постановления <Сената> Министерство внутренних дел разослало всем губернаторам секретный циркуляр (№ 48 от 21 декабря 1907 г.) с указанием не разрешать никаких сионистских организаций, а также принять меры к запрещению всякой деятельности Национального фонда. В сущности, циркуляр официально закрепил положение, существовавшее на деле уже ранее. Об этом свидетельствует письмо Центрального Комитета Сионистской организации в России от 6 декабря 1907 года (подписанное Л. Яффе и Б. Гольдбергом), которое было отправлено из Вильно президенту Давиду Вольфсону в Кельн.

В письме говорилось, что в Польше, Сибири и в целом ряде крупных городов, как, например, Одесса, Киев, Харьков, Севастополь, Екатеринослав и др., нет никакой возможности вести сионистскую работу из-за мер властей, объясняемых объявленным незадолго до того чрезвычайным положением. <...> Между тем, условия сионистской работы в России чрезвычайно осложнились. В начале 1908 года были произведены многочисленные аресты деятелей и активистов движения, нарушившие сионистскую работу во всей империи²⁴.

У Высоцкого, следовательно, могли быть весьма веские причины для бегства из центра страны, но трудно сказать, чем был мотивирован выбор далекого Бийска в качестве убежища и нового дома. Известно только, что Высоцкий отправился туда первым, позднее к нему присоединилась семья. Можно предположить, что, как и Борис, герой рассказа «Его родина», бежал он не только от преследования властей, но и от бытового антисемитизма, столь распространенного на Украине и почти неощутимого в Сибири. Он искал тихой семейной жизни, готовился к стоматологической деятельности и, возможно, продумывал свои исследования в этой области, сделав-

²³ Staněk V. Slovník rusko-židovských autorů 1. poloviny 20. Století: Magisterská diplomová práce. Brno, 2008. S. 65.

²⁴ Маор Ицхак. Сионистское движение в России / Пер. О. Минц (авторизованный сокращенный перевод). Иерусалим: Библиотека-Алия, 1977. С. 267–268.

шие его впоследствии одним из основателей израильской медицины и израильской медицинской науки. Можно также предположить, что по пути на Алтай родилась идея образа Бориса, родиной которого была Сибирь, а Украина представлялась дремучей тайгой, полной нищеты и дикого зверья о двух ногах, а также идея образа странствующего еврея Залмана Тиница и его абсурдной судьбы, которая много позднее легла в основу романа «Суббота и воскресенье».

Точная дата воссоединения семьи в Бийске нам не известна, однако это должно было произойти не позднее 1910 г.²⁵ Бийск 1910-х гг. был провинциальным городом, в котором проживало 27000 жителей, среди них — очень немного евреев. Город относился к кабинетским землям, на которых было запрещено проживание евреев, за исключением некоторых профессий (запрет распространялся даже на тех, кто здесь родился; абсурдность этой ситуации стала лейтмотивом рассказа «Его родина»). В эти годы Высоцкий активно сотрудничал в барнаульской газете «Жизнь Алтая», которую он позднее упомянет в романе «Суббота и воскресенье»²⁶. Он был собственным корреспондентом, освещавшим такие события, как «открытие нового каменного здания местного вольно-пожарного общества» в Бийске (1915. № 262, 27 нояб.), а также автором заметок и фельетонов, как, например, фельетон «Голубь Воробьевич» из серии «Бийские силуэты», посвященный такому явлению, как «культуртрегеры», которые, по словам автора, во множестве стали тогда появляться в Сибири, и поскольку «некультурный туземец не мог выговорить немецкого слова», он «назвал их по-своему — птицы залетные» (1915. № 228, 16 окт.).

В 1919 г. было принято решение покинуть Бийск и переселиться в Эрец-Исраэль. В семейном архиве Высоцких сохранился черновик его письма Управляющему Алтайской губернией, в котором излагалась просьба о выдаче паспортов, дабы тронуться в ближайший путь:

Его Превосходительству
Господину Управляющему Алтайской Губ<ернией>

Зубного врача
Аврума Лейбовича Высоцкого
г. Бийск

²⁵ Старшая дочь Высоцких Эсфирь (Фира, в замужестве Мишори) родилась в Бийске в 1910 г. и скончалась 20 февраля 1987 г. Младшая дочь Юдифь (Ида, в замужестве Розенфельд) родилась в 1912 г. и скончалась 1 ноября 1985 г.

²⁶ *Высоцкий А.* Суббота и воскресенье. Рига: Грамату Драугсь, 1929. С. 240.

Прошение

Честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство распорядиться выдать мне паспорт для выезда за границу через восточную границу. При этом указываю, что поездку я совершаю с чисто научной целью, как зубной врач. Со мной едет моя жена Идася 36 лет, дочь Эсфирь 8 лет и дочь Юдифь 7 лет.

Мне же тридцать пять лет.

Зубной врач А. Высоцкий

1919 года, апреля 24 дня

Рассказывая в первом из публикуемых ниже писем о предпринятом путешествии, Высоцкий пишет, что семья добиралась до Палестины «окружным путем вокруг Азии <...> уходя от колчаковских преследований».

Обосновавшись в Тель-Авиве и зарабатывая на жизнь как дантист, Высоцкий, однако, не оставил писательских притязаний. 9 марта 1924 г. он обратился к Горькому с письмом (с него возобновляется переписка между ними после семилетнего перерыва), предложив для журнала «Беседа» рассказ «Последняя жатва». Рассказ этот Горький принял и опубликовал под названием «В Палестине» (1925. № 5. С. 122–159); впоследствии он стал первой главой романа Высоцкого «Зеленое пламя» (Рига: Общедоступная б-ка, 1928)²⁷.

После переезда в Палестину связи Высоцкого с Россией обрываются. Рассказ «В Палестине», как уже было сказано, появился в горьковской «Беседе», издававшейся в Берлине, а романы Высоцкого вышли в свет в рижских издательствах «Граматы Драугсь» и «Просвещение». За исключением письма некоему Рувиму Борисовичу, написанного в 1949 г., нам почти ничего не известно о попытках Высоцкого восстановить связь с родиной. После того, как в августе 1929 г. по Палестине прокатилась волна кровавого арабского террора, Горький обратился к Высоцкому с просьбой написать об этом статью, предназначавшуюся первоначально для еженедельника «За рубежом», который начал выходить в это время под его редакцией. Статью Высоцкий написал и Горькому отправил — эта тема обсуждается в их переписке, о том же Высоцкий вспоминает в коротком мемуаре, написанном после получения известия о смерти русского писателя и опубликованном в палестинской газете «Гаарец» (приведена в русском переводе в приложении к данной публикации). Однако заказанная Горьким статья об арабском

²⁷ Видимо, по вине типографии в книжном издании, по крайней мере в части тиража, допущена ошибка: вместо «Последняя жатва» глава получила название «Последняя жертва».

насилию так и не появилась в советской печати: она написана иначе, чем того требовал господствовавший в СССР идеологический канон. Следов рукописи в семейном архиве не обнаружено.

И всё же возвращение в прошлое состоится почти через десять лет после эмиграции писателя на страницах романа «Суббота и воскресенье»: автобиографическая тема — русско-еврейская, алтайская — вновь появится в его творчестве и на том будет для него исчерпана. Почти одновременно с этим он издал роман «Зеленое пламя». До своей смерти 5 марта 1949 г. Высоцкий напишет лишь еще один, последний свой роман «Тель-Авив» (1933), названный в подзаголовке «палестинским», а также рассказ об изгнании евреев из Испании «Первый ответ», возможно, как основу для будущей, так и не написанной книги «Сарагоса». Между этим романом и рассказом — провал в тринадцать лет. Последний рассказ писателя опубликован в 1946 г. только в переводе на иврит Тamar Должанской («А-тшува а-ришона») в журнале «Гильонот» (№ 18), русский оригинал обнаружить не удалось. Молчание писателя легко объясняется не востребованностью русской литературы в Палестине/Израиле, недоступностью русскоязычных печатных органов, сталинским террором, войной, Холокостом... Однако нетрудно заметить, что оно может быть связано и с кончиной Бялика в 1934 г., завершившей, по-видимому, весьма существенную главу и его, Высоцкого, жизни.

Впрочем, романы Высоцкого были довольно сочувственно встречены русской эмигрантской критикой. М.А. Осоргин, с которым он состоял в переписке²⁸, откликнулся в парижских «Последних новостях» на «Субботу и воскресенье»²⁹

²⁸ Письма хранятся в РГАЛИ в архиве Осоргина, доступ к которому закрыт до 2020 г. по воле семьи.

²⁹ *Осоргин* М. «Суббота и воскресенье» // Последние новости. 1930. № 3270, 6 марта. С. 3. В письме к Г.Д. Гребенщикову от 15 марта 1930 г. Высоцкий писал: «Вчера <sic> появилась в “Посл<едних> Нов<остях>” (парижских) критика моей книги, Осоргина. Довольно лестно, но не умно как-то» (*Хазан В., Кацман Р.* «...Перо Ваше умелое, много сердца»: Из переписки Авраама Высоцкого и Георгия Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре: Сб. статей. Вып. 8 / Под ред. М.П. Гребневой, Т.В. Чернышевой. Барнаул, 2019. С. 130; далее — АТРЛ с указанием страницы). В рецензии говорилось: «название большого романа А. Высоцкого (Рига, 1929) как бы предупреждает о противоположении в нем двух миров, еврейского и христианского. Но это название не кажется нам достаточно оправданным. Первая часть романа, несомненно лучшая, превосходно рисует быт еврейского местечка и жизнь бедной еврейской семьи, из лона которой выходит герой романа, умный и талантливый Залман Тиниц. В этой части мир христианский, в лице помещичьего сына и неясно очерченных милых русских женщин, отражается достаточно случайно, преломлении еврейской психологии. Вторая половина романа — русский сибирский город, где Залман живет в ссылке и где евреи — случайные единицы. Борьбы двух миров, в сущности, нет; до последнего момента нет ее как будто и в душе героя, хотя и скучающего в Сибири по “субботе”. Мысль о более ярком изображении в романе «субботного» (еврейского) начала и более бледном — «воскресного» (русского, христианского) Осоргин повторяет и в рецензии на следующий роман Высоцкого, «Тель-Авив» (см. след. примеч.). В целом благожелательно воспринявший «Субботу и воскресенье», Осоргин заключал, что, «написанный по-русски и очень хорошо,

и «Тель-Авив»³⁰. «Зеленое пламя» рецензировала в рижской «Сегодня» Р. Розовская³¹, в той же газете напечатан отзыв П. Пильского на «Субботу и воскресенье»³². Не прошел мимо этого романа и главный «голый» журнал эмиграции — парижские «Современные записки» (рецензент — М. Цетлин)³³. В русско-еврейской печати на «Субботу и воскресенье» откликнулся Бен-Таврия (З. Ключевич)³⁴, сотрудник редактировавшегося В. Жаботинским парижского еженедельника «Рассвет»³⁵. В семейном архиве сохранилась записка, в которой Высоцкий резюмирует отзывы на роман «Тель-Авив» (авторская орфография сохранена):

Проф. J. <Иосиф> Клаузнер. «Тель-Авив» — первоклассное художественное произведение. Читая его, я не раз плакал, но зато много раз мое сердце трепетало от радости и гордости.

Г.Д. Гребенщиков. Читаю «Тель-Авив» и думаю: вот еще одну чудесную книгу дал миру еврей!³⁶

М.А. Осоргин («Посл<едние> Нов<ости>») <пропущена строка> из голландской печати. Читая роман Высоцкого «Тель-Авив», невольно вспоминаешь Золя “La Débâcle” и Henri Barbusse — “Le feu”: та же поражающая правда и искренность, та же сила художественная³⁷.

“Chicago Jewish Tribune”. Этот роман («Тель-Авив») должен быть прочитан каждым. О Палестине такой книги еще не было: так реально-живо и художественно-правдиво о возрождающейся стране еще никто не рассказал. Надеемся, что эта книга скоро выйдет и на

роман остается и должен быть еврейским, так как в этом его основной смысл. Но интересен он и помимо этой своей задачи — равно для любого читателя». Трудно сказать, почему Высоцкий оценил как «неумную» рецензию Осоргина, который на самом деле весьма положительно отнесся к «Субботе и воскресенью», о чем за день до появления печатного отклика писал М. Горькому: «Еще я получил книгу А. Высоцкого “Суббота и воскресенье” — из жизни еврея, большой роман. Неплохой» (М. Горький и М.А. Осоргин. Переписка / Вступ. ст., публ. и прим. И.А. Бочаровой // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 472).

³⁰ Ос<оргин> Мих. Тель-Авив // Последние новости. 1933. № 4544, 31 авг. С. 3.

³¹ Сегодня. 1931. № 208, 30 июля. С. 3.

³² Ф.С. <П. Пильский>. Роман из еврейской жизни // Сегодня. 1930. № 41, 10 февр. С. 6

³³ Современные записки. 1930. № 43. С. 496–497.

³⁴ Раскрытие этого псевдонима см. в статье: Хазан В. О некоторых псевдонимах деятелей эмигрантской русско-еврейской печати (парижские еженедельники «Еврейская трибуна» и «Рассвет») // Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / Под ред. М. Шрубы и О. Коростелева. М., 2016. С. 84–87.

³⁵ Бен-Таврия. «Суббота и воскресенье» (о романе А. Высоцкого) // Рассвет. 1931, № 14. С. 8–9.

³⁶ В сохранившихся письмах Г.Д. Гребенщикова Высоцкому такой фразы нет, см.: АТРЛ.

³⁷ Сравнения Высоцкого с Э. Золя и А. Барбюсом рецензия М. Осоргина на «Тель-Авив» не содержит.

английском яз<ыке> и станет доступной и английскому читателю — всё равно — еврею и не еврею, сионисту и не-сионисту.

Журнал *נירוד*³⁸, Чикаго. Роман «Тель-Авив» это — все шесть дней творения Новой Палестины. Эта книга — великий эпос строителей Страны. Недаром А. Высоцкий — ученик незабвенных русских авторов: он написал эту книгу с большим талантом, местами — кровью сердца.

Газета «Айнт» (*האינט*), Варшава. В романе «Тель-Авив» изображен не только Тель-Авив — город: в нем с изумительной силой и правдивостью изображены люди и дела Новой Палестины. До сих пор такой книги еще не <было>! Кто хочет знать всю правду о Палестине, пусть читает эту книгу.

Следует сказать несколько слов о переводах произведений Высоцкого на другие языки и опытах их постановки на театральной сцене. Романы «Суббота и воскресенье» и «Тель-Авив» были переведены на голландский Б.Н. Рапчинским³⁹, см.: *Wissotzky A. Tel-Aviv: Palestina-roman / Geautoriseerde vertaling: Boris Rapschinsky (Rapchinskiï). Zutphen: W.J. Thieme & Cie, 1934; Wissotzky A. Sabbat en Zondag / Geautoriseerde vertaling: Boris Rapschinsky. Zutphen: W.J. Thieme & Cie, 1936.* Роман «Зеленое пламя» вышел в переводе на иврит Менахема Нахмана (Иерусалим: Тарбут, 1927–1928); «Тель-Авив» — в переводе Мордехая Эзрахи (Тель-Авив: Двир, 1947). Барух Наэ перевел на ладино роман «Зеленое пламя» (Тель-Авив: Бейт Алахми, 1933). К этому можно добавить, что спектакль по роману «Тель-Авив», рисующему широкую панораму халуцного, ревизионистского, коммунистического и прочих движений в подмандатной Палестине, был поставлен в Риге театральным кружком организации «Бейтар». В заметке, посвященной спектаклю, опубликованной в рижской газете «Сегодня вечером», говорилось:

³⁸ Дорэйну (*הור*) — наше поколение.

³⁹ Писатель, эссеист, переводчик, проживавший в Амстердаме «сионист-социалист» д-р Борис Наумович Рапчинский (Boris Rapschinsky; в России Рябчинский; 1887–1983) переводил на голландский язык русских писателей, в частности А.М. Ремизова. См. о нем: *Eeten-Koopmans J. van. Boris Rapschinsky (1887–1983) // Studia Rosenthaliana. 1996. Vol. 30. No 2. P. 282–303; Ремизов и Голландия: Переписка с Б.Н. Рапчинским (1947–1957) / Сост. Т.В. Цивьян; Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М., 2004 (сюда включена первая из указанных позиций: Переписка А.М. Ремизова с Б.Н. Рапчинским / Публ. и коммент. Я. ван Эйтен-Кoopманс. С. 45–77, а также биографический очерк того же автора: *Эйтен-Кoopманс Я. Ван. Борис Наумович Рапчинский (1887–1983). С. 78–87*); см. также критическую реакцию на эту книгу: *Капис Л.* Царь Соломон, Алексей Ремизов и Голландия // Лехаим. 2004. № 12 (152), дек. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/152/katsis.htm> (дата обращения: 30.11.2019).*

Переполненный партер и балкон большого зала Ремесленного о-ва свидетельствовали вчера о большом интересе к спектаклю, поставленному драматическим кружком союза ревизионистской молодежи «Трумпельдор». Материальный успех вечера объясняется удачным выбором темы спектакля. Очень многие читали написанный на русском языке роман Высоцкого «Тель-Авив» — книгу темпераментную и яркую, несмотря на определенную политическую тенденцию⁴⁰.

Горький и Высоцкий никогда не встречались, их отношения отражены только в переписке. Первое обращение Высоцкого к Горькому следует датировать поздней весной или ранним летом 1915 г. Живя в Бийске, Высоцкий отправил на авторитетный суд Горького какой-то из своих рассказов, надеясь, судя по всему, увидеть его опубликованным в «Летописи». Письмо не сохранилось, но его можно восстановить по горьковскому ответу, датируемому 20 июня / 3 июля 1915 г., в котором маститый корреспондент Высоцкого давал его детичу негативную оценку и возвращал рукопись:

Милостивый Государь Абрам Львович!

Рассказ Ваш кажется мне наивным по теме и далеко несовершенным по исполнению.

Это не помешало бы мне передать рукопись Вашу в одну из Петроградских редакций, где, может быть, его оценили бы иначе.

Но Вам, вероятно, известно, какая путаница и неуверенность обуяла Питер, а потому я не решаюсь предложить Вашу работу редакциям, знакомым мне.

К тому же «Совр<еменник>» прекратился, «Сев<ерные> Зап<и>ски» выходят в два м<еся>ца раз и т.д.

Рукопись возвращаю.

А. Пешков⁴¹

Составители собрания горьковских писем полагают, что в приведенном послании речь идет о первой, неудачной попытке напечатать упоминавшийся выше рассказ «Его родина»⁴². Однако это не так: Горький однозначно и без каких-либо советов усовершенствовать текст отверг его и тем самым вынес окончательный приговор. Совершенно ясно, что Высоцкий отправил ему какое-то

⁴⁰ На спектакле драматического кружка «Трумпельдора» // Сегодня вечером. 1936, 28 февр.

⁴¹ Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 11. М., 2004. С. 181.

⁴² Там же. С. 434.

другое произведение. Помимо того, что едва ли была возможность кардинально переработать текст, названный Горьким «наивным по теме и далеко несовершенным по исполнению», существует прямое доказательство того, что Высоцкий обратился к нему не с рассказом «Его родина», а с «Синим Алтаем», который, как отмечено выше, явился его литературным дебютом. Несколько лет спустя Высоцкий вознамерился пристроить всё тот же рассказ в журнал «Сибирский рассвет» и обратился к его редактору со следующим письмом:

Бийск
1919 г. 21/1

Уважаемый Товарищ!

По некоторым уважительным причинам я до сих пор Вам не мог ответить на Ваше письмо. В Вашем журнале работать буду. Маленьких работ, отделанных, а главное, переписанных, сейчас у меня нет, скоро будут.

Сейчас посылаю Вам рассказ «Синий Алтай». История его такова.

По настоянию Гребенщикова этот рассказ был помещен в «Жизни Алтая» года 4 назад. Потом я его послал Горькому (год тому назад)⁴³. Одновременно с рассказом я написал Горькому и письмо, которое пришло с некоторым опозданием, и до его получения Горький рассказ выправил и направил в типографию (все поправки красным карандашом — Горького)⁴⁴. Из моего письма Горький узнал, что рассказ печатался в «Ж<изни> А<лтая>», и отослал его мне с предложением изменить его название и вообще сколько-нибудь видоизменить его или заручиться согласием «Ж<изни> А<лтая>» вторично печатать. Ни того, ни другого я не успел сделать — связь с Петербургом скоро оборвалась.

Посылая теперь этот рассказ Вам, я прошу Вас издать его отдельной книжонкой. Если Вы находите возможным — поместите его в Вашем журнале, а потом издайте. Имею еще, уже печатавшиеся

⁴³ Случайная ошибка памяти или попытка намеренно ввести в заблуждение относительно времени обращения к Горькому. В 1917 г. Высоцкий действительно отправил Горькому свои рассказы, но это был не «Синий Алтай», а «Правда жизни» и «Народная программа». См. ответ Горького, датированный 7–8 февраля 1917 г., в котором он забраковал оба рассказа: *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 12. М., 2006. С. 110.

⁴⁴ Машинопись «Синего Алтая», сохранившаяся в семейном архиве Высоцких, действительно содержит пометы красным карандашом: главным образом значки, указывающие на необходимость разделить текст на абзацы. Судя по всему, эта правка действительно осуществлена рукой Горького.

в «Русск<ом> богатстве», «Еж<емесячном> ж<урнале>»⁴⁵ и «Летописи», вещи. Прошу Вас поскорее сообщить мне, каковы условия, на котор<ых> Вы можете вообще издавать меня.

В частности, о драме. Я хотел бы ее издать даже на свой счет, если Вы издать ее не находите возможным. Возможно ли это?

Жду Вашего ответа с нетерпением.

Ваш А. Высоцкий

P.S. Говорят, Ваш первый № вышел уже. Если это не против Ваших правил, прошу журнал мне высылать.

Посылаемый экземпляр «Синего Алтая» единственный у меня: если он не понадобится Вам, будьте добры отослать его мне — расходы я потороплюсь возместить.

Адрес: Бийск, Аврааму Львовичу Высоцкому

P.P.S. Посылаю теперь же и драму «Нов<ая> машина». Надо поскорее решить вопрос о ней. В ней нет чисто сибирск<их> штрихов — умышленно: слишком эта «машина» общая для всей России. Надеюсь, Вы не правоверные областные патриоты-от-литературы?⁴⁶

Этот рассказ, несущий на себе печать робкой пробы пера, был, однако, автору необыкновенно дорог — не случайно он ввел его под оригинальным названием в автобиографическое повествование «Субботы и воскресенья». Главный герой романа, Залман Тиниц, по чистой случайности оказывается причастен к деятельности социал-демократического кружка в родном местечке на Украине. После его разгрома местной полицией он сослан в Бийск, где с ним происходит немало горьких событий, включая его деятельность в совете народных депутатов в пореволюционные дни. В череде бесплодных метаний выделяется, пожалуй, один абсолютно творческий акт: он пишет рассказ «Синий Алтай». Этот рассказ принимается Георгием Гребенщиковым для публикации в одном из сибирских журналов и, более того, заслуживает похвалу самого Владимира Короленко. Читателю предоставляется его краткое изложение, сделанное другом Тиница Василием Петровичем:

Он (герой рассказа) пришел на Алтай с окровавленными руками, с окровавленным сердцем. Он думал, что весь мир — в его делах.

⁴⁵ О том, что Высоцкий в «Ежемесячном журнале» не печатался, см. примеч. 5 к письму № 1 от 9 марта 1924 г.

⁴⁶ Центр хранения Архивного фонда Алтайского края. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 107.

И вдруг — синие горы! Они подавили его, возвысили его <...> Он научился у гор видеть, слушать и понимать. <...> Не он герой, завертевшийся человек, террорист, гордый своими делами: герой — Синий Алтай⁴⁷.

Примерно через год после неудачи с «Синим Алтаем» Высоцкий вновь обратился к Горькому, на сей раз с рассказом «Его родина», который был напечатан в седьмой книжке «Летописи» за 1916 г. Обращение мало кому известного алтайского литератора к писателю-мэтру, приложенное к посылаемому рассказу, не сохранилось, зато известен горьковский ответ в целом утешительного свойства, в котором сообщалось, что рассказ принят и «будет напечатан в июне-июле». Наряду с этим, однако, Горький обращал внимание своего корреспондента на то, что

рассказ написан несколько небрежно, торопливо, и Вы не вполне использовали трагикомизм положения героя. Получилось нечто близкое анекдоту, очень забавный анекдот, но — это не всё⁴⁸.

Впрочем, письмо завершалось более на поощрительной, нежели на критической ноте: Горький писал, что ждет новых работ начинающего писателя.

«Новые работы», однако, последовали не скоро: время, как сказано в первом из публикуемых писем, закрутило Высоцкого в свой водоворот, и только через 8 лет, оказавшись уже в Палестине, он вновь появился на горьковском эпистолярном горизонте. О том, как развивался в дальнейшем их небольшой почтовый роман, читатель узнает из публикуемых ниже писем, точнее, из той части, что принадлежит Высоцкому и относится к палестинскому периоду его жизни.

Письма печатаются по автографам из Архива Горького (ИМЛИ РАН им. А.М. Горького). КГ-П 18-5-1 — КГ-П 18-5-10.

Условные обозначения:

Горький. ПССП — *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 1997— (с указанием тома и страницы).

⁴⁷ *Высоцкий А.* Суббота и воскресенье. Рига, 1929. С. 239.

⁴⁸ *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 12. С. 50–51.

1

Тель-Авив — Сорренто
9 марта 1924¹

9 марта <1>924
г. Тель-Авив

Дорогой Алексей Максимович!

Пишу Ваше имя и глубоко радуюсь возможности еще раз в жизни писать к Вам. В водовороте последних 8 лет Вы, может быть, и забыли докучливого корреспондента из Бийска (Сибирь) Абрама Львовича Высоцкого?

Это — я. Теперь пишу из Палестины, куда приехал окружным путем вокруг Азии еще 4 года назад, уходя от колчаковских преследований. В чуждой обстановке, среди чужих языков, я съезжился и затих. Думал: пора тебе скончаться литературной смертью. Нарочно не читал новостей литературы русской, чтобы легче было. Не помогло: через 3½ года стал писать опять! И вот шлю Вам один рассказ из палестинской жизни рабочих — «Последняя жатва»².

Нашлась тут разбитая русская машинка — не сердитесь за ее шрифт. И еще: простите мне старую орфографию — теперь только стал приучаться к новой. Хочу надеяться, что жизнь палестинская имеет то же право быть изображенной, что и жизнь всякой другой страны. Вопрос другой — понравится ли Вам мой рассказ; это волнует меня. Вот понравился же Вам когда-то мой рассказ «Его родина» (Летопись, 1916)³. С Вашей легкой руки я сразу был принят и В.Г. Короленко⁴, и Миролубовым⁵ и т.д.

Если мой теперешний рассказ не подходит (нет, уж Вы его пожалейте!), прошу Вас, Алексей Максимович, устроить его в каком-либо другом журнале. Кроме того, жду от Вас помощи в следующем деле. У меня накопились рассказы, печатавшиеся в хороших журналах, и я хотел бы издать их отдельной книжкой. Я не знаю, к какому издательству обратиться, и представляю себе, что ни одно издательство не захочет издать какого-то там Высоцкого. Больших денег заплатить тоже не могу. А книжку увидеть — мечта жизни моей. Думаю, что Вы могли бы мне помочь. Жду ответа Вашего.

Сейчас тут расцветают апельсиновые сады, и весь город и окрестности наполнены таким благоуханием, что моментами какой-то райский бред охватывает. Приезжайте сюда погостить, Алексей Максимович. Интересна Палестина и зарождающаяся в ней жизнь!

И если бы Вы знали, какой глубокой любовью любит Вас еврейский народ! И любовь эта не только потому, что Вы много защищали его от хамского каблука: у этого народа сердце также с «ободранной кожей»⁶, как у Вас, и потому оно чует и любит Вас. Я три месяца ждал очереди для получения «Беседы» — и это здесь, где стараются забыть языки, на которых было сказано нам так много злого и ужасного⁷. Не думаете ли Вы, что для «Беседы» можно было бы написать статью об английском мандате на Палестину в освещении, соответствующем журналу?⁸

Будьте здоровы. Пожалуйста, одно слово напишите именно о здоровье: в газетах давно уже ни слова после очень тревожных сообщений.

Уважающий Вас А. Высоцкий

Адрес: Dr. A. Wissotzky, Tel Aviv Palestine

1. Ответ Горького, датированный 26 марта 1924 г., см.: *Горький*. ПССП. Т. 14. С. 316.

2. Как уже говорилось во вступительной статье, рассказ Высоцкого «Последняя жатва» был опубликован Горьким в журнале «Беседа» под названием «В Палестине» (в письме Высоцкому от 26 марта 1924 г. он объяснял замену заглавия тем, что ««Последняя жатва» — не исчерпывает содержания»: *Горький*. ПССП. Т. 14. С. 317). Примерно в тех же выражениях, что и в данном письме Горькому, Высоцкий через год с небольшим (7 июня 1925 г.) рисовал свое литературное пробуждение в письме к другому русскому писателю — своему давнему приятелю Г.Д. Гребенщикову:

Да, милый друг! Как стон, задавил я в себе песню и сказку. Я сказал себе: еврейскому народу не нужны твои русские писания; русский народ презирает твои писания, да и самый язык русский умирает; мировая литература обойдется без твоего мусора; мир вообще больше не нуждается в литературном творчестве! И потому — молчи! И я четыре года молчал. Потом увидел русский журнал «Беседу» и не стерпел (АТРЛ. С. 124).

3. О рассказе «Его родина», опубликованном в горьковской «Летописи», см. упоминание во вступительной статье.

4. О том, что в строенной книжке журнала «Русское богатство» (1918. № 4–6, апр.–июнь), который редактировал и издавал В.Г. Короленко, был напечатан рассказ Высоцкого «Нитка жемчуга», говорилось во вступительной статье. См. в романе Высоцкого «Суббота и воскресенье» упоминание о том, что произведение главного героя Залмана Тиница было напечатано в «Русском богатстве»; на это, к слову сказать, обратил внимание П. Пильский в рецензии на роман:

В книге, между прочим, указывается, что Залман Тиница помещал свои вещи в «Русском богатстве». Автора с таким именем мы не припоминаем, но А. Высоцкий, кажется, действительно, печатался в этом журнале (Ф.С. <П. Пильский>. Роман из еврейской жизни // *Сегодня*. 1930. № 41, 10 февр. С. 6).

5. Журналист, издатель, оперный певец Виктор Сергеевич Миролубов (1860–1939) редактировал, издавал или являлся заведующим отделом ряда журналов, как то: «Современник», «Заветы», «Жизнь для всех», а также его продолжение — «Ежемесячный журнал». Ни в одном из них Высоцкий не печатался. Судя по всему, мы имеем дело не столько с аберрацией памяти, сколько с сознательной мистификацией. О том, что Миролубов был к нему благосклонен и печатал его

«много раз», Высоцкий писал время спустя и Гребенщикову (письмо от 7 июня 1925 г.). Причина этого странного хвастовства и стремления выдать желаемое за действительное, очевидно, чисто психологическая: Высоцкому, разумеется, было хорошо известно, что в письме к Миролюбову от 31 марта 1915 г. Г.Д. Гребенщиков ходатайствовал о его рассказе «За болотным огоньком», рукопись которого редактору «Ежемесячного журнала» передала первая жена писателя Людмила Николаевна, отправившаяся тогда в Петроград на лечение. Отзываясь в этом письме о Высоцком как о начинающем, но способном беллетристе, Г.Д. Гребенщиков писал:

Знаю, что злоупотребляю Вашей добротой, но, м<ожет> б<ыть>, было бы грешно с моей стороны не помочь чем можно стоящему человеку. За гонораром он не гонится, но ему дорого Ваше слово и справедливое поощрение. Однако я могу ошибаться, и это было бы хорошо проверить (*Черняева Т.Г.* Г.Д. Гребенщиков: письма в Петербург (1912–1916) // Алтайский текст в русской культуре: Материалы третьей региональной научно-практической конференции, 4–6 мая 2006 г. Вып. 3. Барнаул, 2006. С. 219).

По всей видимости, «начинающего, но способного беллетриста» не могло не задеть, что «проверка» оказалась не в его пользу и В.С. Миролюбов не принял рассказ к публикации.

6. Парафраз известного места из повести Горького «Детство»:

Дни нездоровья были для меня большими днями жизни. В течение их я, должно быть, сильно вырос и почувствовал что-то особенное. С тех дней у меня явилось беспокойное внимание к людям, и, точно мне содрали кожу с сердца, оно стало невыносимо чутким ко всякой обиде и боли, своей и чужой (*Горький М.* Полное собрание сочинений: Художественные произведения: В 25 т. Т. 15. М., 1972. С. 29).

7. В ответном письме Горького говорилось:

Как великолепно было бы, если б евреи нашли в себе силы создать то, что затеяно ими (*Горький.* ПССП. Т. 14. С. 317).

8. В своем ответе Высоцкому Горький писал:

<...> статью об английском мандате — не нужно; «Беседа» — журнал чисто литературно-научный и вопросами политики, экономики — не занимается, печатая статьи лишь по вопросам наук естественных (*Горький.* ПССП. Т. 14. С. 316).

2

Тель-Авив — Сорренто
5 апреля 1924

Спасибо Вам, дорогой Алексей Максимович, за память и за ласковое отношение к моему рассказу! Сегодня пишу издателю, прошу сообщить, когда выйдет 5-ая «Беседа»¹. Странно, что 3-ья книга вышла месяцев 7 назад².

Ниже привожу список чужих слов и их толкование. Многие слова по смыслу понятны, и мне кажется, что их объяснять — лишнее³. Выражение «гольный камень» — сибирское. Слово «гольный» употребляется вместо «сплошной»: гольный дурак, гольная соль и т.д.⁴

Выражение «запрокинул взгляд» я в рукописи у себя не нашел; по-видимому — грех переписчика, которого я не доглядел⁵. Пишу:

одна вещица небольшая, а другая (Господи, прости!) — большущая повесть⁶.

В Палестине не весело. Англичане впускают только богачей, и то — не русских под<д>анных. Боятся большевизма. Молодых, сильных и хороших не пускают сюда! А 15-миллионный народ растерзан, разодран, развеян по всему миру, как пепел Стеньки Разина⁷. Нет у народа воли единой! Может быть...

Будьте здоровы. Всего хорошего!

Вас уважающий А. Высоцкий

1924 5/IV
г. Тель-Авив

1. В письме от 26 марта Горький писал, что «“Последняя жатва” пойдет в 5-й книге “Беседы”» (*Горький*. ПССП. Т. 14. С. 316).

2. Третья книга «Беседы» увидела свет в октябре 1923 г.

3. В том же письме от 26 марта Горький просил Высоцкого объяснить непонятные слова: “baad”, «таиб» и т.д.: «необходимо всем местным словам давать объяснения» (Там же). В печатном варианте такие объяснения сделаны в виде сносок: «ваад»⁴⁹ (*иврит*) — управа (Там же. С. 153); «таиб» (*араб.*) — «хорошо» (Там же. С. 124).

4. В печатном тексте «гольный камень» в устах халуца-сибиряка Абрамова заменен на «голый камень» (Там же. С. 157). По всей видимости, некоторые «местные» слова и выражения Горький приложил к своему письму в виде отдельного списка — в самом письме ни «гольный камень», ни «запрокинул взгляд» (см. след. примеч.) не указаны.

5. Возможно, имеется в виду следующее место, которое в опубликованном варианте выглядит так:

Он <Абу Ибрагим, один из героев рассказа> вдруг мечтательно закатил глаза вверх и заговорил... (*Высоцкий А. В Палестине // Беседа* (Берлин). 1925. № 5. С. 135).

6. Под «большой повестью», судя по всему, имеется в виду «Зеленое пламя» (см. о нем во вступительной статье).

7. Слова Высоцкого о развеянном по миру пепле Стеньки Разина, по всей видимости, восходят к какой-то фольклорной легенде, не находящей соответствия в исторических документах.

3

Тель-Авив — Сорренто
1 июня 1925

Дорогой Алексей Максимович!

⁴⁹ По-видимому, в рукописи Высоцкого это слово было написано латиницей: baad, нужно: vaad (ваад).

№№ 6–7 *Беседы* обрадовал меня вдвойне: и журнал не умер, и Вы не так больны, как здесь говорят: больные таких рассказов не пишут, как *Рассказ о необыкновенном!*¹

Не знаю Вашего адреса и пишу наугад. Посылаю Вам мою пьесу *Кровь Маккавеев*². С большим волнением жду Вашего приговора. В некоторых случаях разрешается быть назойливым — я в данный момент нахожусь в таких «разрешающих» условиях. Хочу Вас просить: если пьеса неприемлема для *Беседы* по причинам нелитературного свойства, помогите ей появиться на свет в другом месте.

Я — целое кладбище, мне будет невыразимо тяжело носить в себе еще и эту умерщвленную вещь!³

Только что вернулся из поездки в Галилею. Жил в коммуне Эн-Харуд, состоящей из 260 человек⁴. Коммуна существует уже 4-ый год. Средний возраст коммунаров — 32–33 года. Они так крепко спаяны и так бодро верят в единственно возможный путь земледельческого возрождения Палестины — коммуны, что невольно приходится пересматривать свои прежние суждения. Эн-Харуд стоит быть описанным более крупным писателем, чем я. Я думаю написать продолжение своего первого очерка (*Беседа № 5*)⁵. Кстати, мой очерк переведен и напечатан (конечно, без моего ведома) на жаргоне⁶, теперь, я слышал, его переводят на еврейский⁷ и английский⁸.

Всего хорошего. Будьте здоровы. Стоит быть здоровым хотя бы для того, чтобы писать «Рассказы о необыкновенном».

А. Высоцкий

1925 г. 1 июня

Тель-Авив

Адрес: Dr. A. Wissotzky, Tel Aviv Palestine

Сейчас лежит у меня повесть страниц в 60 (печатных) *Сашенька*. Вообще — пишется после долгого оцепенения.

1. Горьковский «Рассказ о необыкновенном» напечатан в двоянной шестой-седьмой книжке «Беседы» за 1925 г. (С. 9–57).

2. Имеется в виду драма в 4-х картинах «Кровь Маккавеев», единственный экземпляр которой, судя по всему, сохранился в Архиве Горького (см. Приложение II к данной публикации).

3. Ср. в письме Высоцкого Гребенщикову, написанном через неделю, 7 июня:

Я — литературное кладбище. В братских могилах спят умерщвленные дети моего сердца и ума. Тягостно это! Собственный почерк надоел! (АТРЛ. С. 125).

4. Эн-Харуд (устоявшееся написание: Эйн-Харод) — кибуц на севере Эрец-Исраэль/Израиля, расположенный в Изреельской долине; был основан в 1921 г. членами Гдуд ха-авода (рабочий отряд евреев-колонистов) на землях, выкупленных у арабов Еврейским национальным фондом.

5. См. примеч. 1 к предыдущему письму.

6. Отдельная публикация «Последней жатвы» (или «В Палестине») на идише не обнаружена. Скорее всего, Высоцкий лукавит, говоря о том, что очерк был «переведен и напечатан» без его, авторского, ведома. Очевидно, в это время он начал переговоры с нью-йоркским идишским журналом “Di Zukunft”, в котором через некоторое время, под названием «Старый источник» (“Der Alter Kval”), был полностью опубликован его роман «Зеленое пламя» (1927. №№ 1–12; 1928. №№ 1–4). Еще до начала публикации в “Di Zukunft” Высоцкий просил главного редактора журнала А. Лесина издать роман отдельной книгой (YIVO, Abraham Liessin Papers. RG 201. Folder 434):

1926. 15/IX

Tel Aviv

Многоуважаемый Мг Лесин!

Мне так давно хотелось познакомиться с Вами, хотя бы письменно, но у меня не хватало духу отнять у Вас несколько минут.

Я — тот самый Высоцкий, который уже отнял у Вас много времени своим «Старым источником»⁵⁰.

Теперь у меня маленькое дело. Хочу Вас просить помочь мне издать отдельной книгой «Стар<ый> источник». Нельзя ли сохранить шрифт, и когда весь рассказ выйдет — дешево напечатать книгу? Или, может быть, Вы помогли бы мне выпустить эту книгу через издателя на идиш?

Знаю, г-н Лесин, что это — назойливо. Но Вы поймете, как тяжело писать для своего письменного стола! Вот я только что закончил драму из *русской* жизни «Железо и золото». Мне кажется, что вещь эта заслуживает появиться на свет Божий. Между тем я не знаю, что с нею делать. Нет исхода, нет той руки помощи, что могла бы вывести на дорогу. Красная литература охраняется штыками, эмигрантская — с каждым днем хиреет.

Среди евреев я — русский писатель!

Будьте здоровы. Жду Вашей помощи и верю в нее.

С почтеньем

А. Высоцкий

⁵⁰ Противоречие между тем, что пишет Высоцкий, — с одной стороны, у него до сих пор «не хватало духу» покушаться на время А. Лесина, а с другой, он-таки отнял у него «много времени своим “Старым источником”», — разрешается, по-видимому, тем, что он действовал через жившую в Нью-Йорке сестру — Розу Орланс (Rose Orleans).

Адрес: Dr. A. Wissotzky
Tel Aviv, Palestine

Отдельной книгой на идиш роман Высоцкого не выходил.

7. Роман «Зеленое пламя», переведенный на иврит (Lehava yeruka; пер. Менахема Нахмана), увидел свет в 1927–1928 г.

8. Английского издания романа Высоцкого не существует.

4

Тель-Авив — Сорренто
18 мая 1927

18.V.1927
Tel Aviv

Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Пишу наугад по старому адресу. Это — я, Высоцкий. Очерк мой *В Палестине* (помните?) послужил основанием для повести в 150 страниц. Ее уже 6 месяцев печатают в Америке, в идишском журнале «Цукунфт»: перевели¹.

Вчера мне предложили издать ее отдельной книгой по-древнееврейски и, может быть, по-немецки².

Разрешите мне прислать Вам рукопись и еще раз в жизни потратить на меня час, просмотрите 100 страниц, составляющих продолжение уже известного Вам, и напишите несколько слов, которые могли бы быть предисловием к книге. Чувствую, что я страшно назойлив, но в моем положении я не нахожу иного исхода.

Издатель вчера просто сказал: «Первая часть печаталась в “Беседе” — значит, Горький читал ее. Если он напишет несколько строк, книге будет проложена широкая дорога».

Очень прошу Вас, Алексей Максимович дорогой, не отказать мне в моей просьбе! Видно, так уж на протяжении наших жизней незаметно, но вечно возле Вас будет змеиться моя дорожка...

Пишут, Вы возвращаетесь в Россию. Жду этого с нетерпением: авось откроется тогда отдушина и для меня.

Издатель ждет, и я жду Вашего ответа с большим нетерпением³.

Простите, не сердитесь.

Всего хорошего!

А. Высоцкий

1. См. примеч. 6 к предыдущему письму.

2. Роман «Зеленое пламя» был переведен на иврит (см. примеч. 7 к предыдущему письму) и ладино (пер. Барух Наз) — книга увидела свет в 1933 г. в Тель-Авиве; немецкий перевод романа не обнаружен, скорее всего, он не был осуществлен.

3. Предисловия к рижскому изданию романа Высоцкого Горький не писал, см. след. письмо.

5

Тель-Авив — Сорренто

21 июля 1927

Многоуважаемый Алексей Максимович!

До вчерашней почты я ждал от Вас ответа, твердо уверенный, что ответ будет и, вероятно — благоприятный. Очень просто: за все годы Вы *ни разу* не не ответили мне!

Ждать же я умею: долго, безнадежно, за многие тысячи верст. Вчера я вдруг понял, что Вы не ответите, и мне стало жутко при мысли, что я, может быть, огорчил Вас своей слишком далеко зашедшей зашедшей <sic> назойливостью. Если это так — простите меня! Я бы не хотел, чтобы в Вашей памяти сохранилась досада против меня.

Ответа на это письмо я не жду. Отвечать, собственно, нечего.

Будьте здоровы. Всего хорошего!

А. Высоцкий

21.VII,1927

Tel Aviv, Palestine

6

*Тель-Авив — Сорренто*¹

20 сентября 1929

20.9.1929

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Через московское Госиздательство посылаю Вам мою книгу. Дойдет ли она до Вас и до Вашего сердца?²

Не послать Вам ее я как-то не могу: ведь я много лет привык писать, имея в виду Ваше *мнение*.

Я пытался напечатать эту книгу в Госиздательстве. Не было поддержки, связей — не приняли! А между тем здесь и в Европе есть уже мнение о ней как о книге «большевицкой»! Счастлив был бы получить разрешение послать в Россию несколько сот экземпляров. Вообще я был бы счастлив найти свое маленькое местечко в русской литературе и не скитаться в мировом пространстве.

Не судите меня строго за стиль: правда, я мало отделявал, а рижское издательство превратило меня в латыша, по меньшей мере.

Для меня будет великим счастьем услышать Ваше мнение об этой книге — как в старые годы. Вы забыли меня, Алексей Максимович?

Пишу Вам <в> страшные дни кровавого избиения евреев. Мы похоронили на днях 127 убитых; больницы переполнены ранеными, изнасилованными. У Вас в газетах, вероятно, такие же неверные сведения, как и всюду в Европе.

Всего хорошего! Будьте здоровы.

А. Высоцкий³

Адрес: Dr. A. Wissotzky
101, Al<l>enby Rd
Tel Aviv, Palestine

1 Горький находился в это время в Москве, откуда 6 октября 1929 г. ответил Высоцкому, см.: *Горький*. ПССП. Т. 16. С. 111.

2 Речь идет о романе «Суббота и воскресенье».

3 Получив это письмо, Горький отправил Высоцкому телеграмму с предложением подготовить корреспонденцию с описанием кровавого арабского погрома; эту телеграмму, однако, адресат не получил (см. след. письмо). Горький предполагал поместить очерк Высоцкого в еженедельнике «За рубежом», организацией которого он в то время занимался и который начал выходить с 1930 г. под его редакцией. 6 октября он написал Высоцкому письмо, в котором конкретизировал свое предложение:

Телеграфом я предложил Вам дать корреспонденцию о кровавых событиях в Палестине. Поясняю предложение: корреспонденция нужна журналу «За рубежом», — журналу, который будет освещать жизнь Европы, Америки и пр., имея в виду главным образом жизнь ее «будней», ее «быт», рост ее культуры, а также и уродство роста.

Писать нужно возможно просто, в полубеллетристической форме «очерков». Журнал рассчитан на «широкую публику», т.е. на массу.

Ваш очерк имел бы особенно важное значение, если он будет написан удачно. Ваше сотрудничество было бы желательно не только по этому — надеюсь — исключительному случаю, — о его политических мотивах Вы не должны молчать.

В том же письме Горький сообщал, что роман «Суббота и воскресенье» он получил, но еще не прочитал (*Горький*. ПССП. Т. 19. С. 111).

7

*Тель-Авив — Москва
20 октября 1929*

20.X.1929

Только что получил Ваше письмо, дорогой Алексей Максимович!¹ Оно меня обрадовало чрезвычайно, дурацкое сердце совсем разволновалось, и трудно его усмирить...

Спасибо Вам за это хорошее письмо! Конечно, с радостью берусь писать очерк о палестинских событиях и буду стараться изо всех сил (наверное, напорчу!) Я Вам уже протелеграфировал: “Gotowlu korespondentiu” (готовлю корреспонденцию). Получили ли Вы эту телеграмму?² Я Вашей — не получил, и на телеграфе мне сказали, что такой телеграммы они не получали здесь. Следовало бы навести справку, если сохранилась расписка у Вас. Жаль, что Вы не указали приблизительных размеров статьи. Думаю, что к 1 ноября она будет готова, но я Вам ее вышло только 3 ноября: 2-го здесь ожидаются новые события, в годовщину Бальфуrowsкой декларации, и, может быть, статью придется продолжить!³

Для моих наблюдений открыт большой район: Заиорданье, Сирия, Аравия, Месопотамия и даже — Египет. Да и в самой Палестине много интересного, кроме кровавых столкновений: раскопки археологические, работы на Мертвом море, работы Рутенберга⁴, пробуждение Востока. Да и вообще немного правды нужно, наконец, сказать о еврейской работе в русской печати. Трудности мне понятны.

Время от времени смогу писать для Вашего журнала⁵. С нетерпением и страхом жду Вашего суда над моей «Субботой и Воскресеньем». Эта вещь писалась в невероятно тяжелых условиях и, главное, без всяких надежд впереди. Тяжело пишется в таких случаях!

Будьте здоровы. Всего хорошего! Опять аэропланы кружат над городом, точно мухи над падалью. Кому это всё нужно!

Ваш А. Высоцкий

*Адрес для телеграмм:
Doctor Wissotzky, Tel Aviv*

1. Имеется в виду письмо Горького от 6 октября 1929 г., см. примеч. 3 к предыдущему письму.

2. Телеграмма, посланная Высоцким Горькому через Госиздательство и датированная 21 октября 1929 г. (“Gotowlu korrespondentiu wyssoztky”), сохранилась в архиве Горького (КГ-П 18-5-7).

3. Декларация Бальфура — официальное послание министра иностранных дел Великобритании Артура Бальфура представителю британской еврейской общины лорду Лайонелу Уолтеру Ротшильду, в котором выражалось сочувствие сионистским устремлениям евреев и говорилось о том, что «правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели» (послание датировано 2 ноября 1917 г.). О статье Высоцкого «Палестинское злодейство» см. примеч. 2 к следующему письму.

4. Пинхас Моисееич Рутенберг (1878–1942), инженер, политический деятель; участник революционного движения в России, член эсеровской партии; с 1919 г. жил в Палестине, был руководителем электрической концессии. См. о нем: *Хазан В.* Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту. Опыт идентификации человека, который делал историю: В 2 т. Иерусалим; М., 2008.

5. Имеется в виду еженедельник «За рубежом», в котором Высоцкий не печатался.

8

Тель-Авив — Сорренто
22 ноября 1929

Дорогой Алексей Максимович!

Запоздал я со своей работой, зато тороплюсь ее отправить прямо в Sorrento по старому адресу: о Вашем отъезде я узнал из газет¹. Я был бы особенно рад увидеть эту статью напечатанной в Вашем журнале: пусть хоть раз С<оветская> Россия увидит правильное освещение фактов!²

Вы, конечно, понимаете, как трудно было писать этот очерк, лавируя между Сциллами и Харибдами. А тут нет душевного покоя, каждый день — кровь и издевательство!

Как теперь темно и глухо в мире! Лучшие стремления опоганиваются, точно их относят в сторону какие-то злые ветры.

Очень прошу Вас, Алексей Максимович, если это не очень трудно, сообщить мне скоро о судьбе очерка: если он Вам не подойдет, я постараюсь его пустить в иностранную печать. Интерес к Палестине теперь, действительно, велик.

Надеюсь, Вы проехали хорошо и чувствуете себя хорошо на старом месте?

Желаю Вам всего хорошего!

Ваш давний А. Высоцкий

Какой это журнал — ежемесячный?

Адрес: Dr. A. Wissotzky
101, Allenby Rd
Tel Aviv, Palestine

Телеграммы: Doctor Wissotzky
Tel Aviv

22-го ноября 1929

1. Горький покинул Москву 23 октября и вернулся в Сорренто 26 октября 1929 г.; о его отъезде сообщали «Известия» (№ 247, 25 окт.).

2. Речь идет о статье «Палестинское злодейство», которую Высоцкий написал по просьбе Горького, см. письма 6 и 7. Горький отнесся к полученному материалу сдержанно и, хотя писал автору (26 декабря 1929), что статья ему «удалась», в еженедельнике «За рубежом» ее не поместил. В том же письме он указывал на сильное преобладание «в ней лирики над фактами», что, по всей видимости, делало ее неприемлемой для установленного в журнале репортажно-документального стиля, и сообщал, что отправил «Палестинское злодейство» в ленинградскую «Звезду» (*Горький*. ПССП. Т. 19. С. 167). Статья Высоцкого, однако, не подошла и для этого журнала: в письме Горькому от 20 февраля 1930 г. редактор «Звезды» В.М. Саянов сообщал:

Присланная Вами рукопись о «палестинских погромах» для «Звезды» не подошла, на наш взгляд, в этой работе нет достаточно углубленного классового анализа, особенно необходимого в статьях такого рода в связи с общим международным положением (цит. по: *Горький*. ПССП. Т. 19. С. 590).

9

Тель-Авив — Сорренто
9 февраля 1930

9.П.1930

Тель-Авив

Уважаемый Алексей Максимович!

Я три недели не мог Вам ответить из-за тяжелого гриппа. Теперь я навел справки, списался с Иерусалимом и с большим огорчением убедился, что Вашу — единственную — просьбу я выполнить не смогу. Жанров и пейзажей Палестины на нас нет еще, в красках — в особенности. Есть альбомы библейские, христианские, религиозного содержания; есть маленькие альбомчики, сионистские. Но всё это — не то! Мне очень досадно!

Посылаю Вам несколько снимков, по-моему, интересных. Если они Вам понравятся, пришлю Вам много.

Что касается моей рукописи, я писал ее с чувством какой-то обреченности, прекрасно зная, что даже и Вы ничего про-сионистского напечатать теперь не сможете.

Что касается избытка лирики — куда девать свои нервы, свои слезы, свою обиду на всех, бьющих нас, начиная от папы римского и кончая евсекцией?¹

Вот третьего дня приговорили к повешению парнишку 22 лет, защищавшего Тель-Авив, а двенадцать убийц из Моцы, уличенных детьми, спрятавшимися на дереве, — оправдали.

Это называется: «белогвардейцы-сионисты и их союзники-англичане угнетают восставший арабский пролетариат»...

Оставим это. Я хотел Вас спросить, почему Вы мою статью отправили в «Звезду», а не в Ваш «За рубежом»?

Ах, как это трудно теперь — писать по-русски не в России! Если бы Вы знали, как издеваются зарубежные издательства! Я с моей книгой «Суббота и Воскресенье» просто в яму свалился! Как ни странно, книга идет и охотно читается, но издательство ужасно «объегоривает».

Не правда ли, Алексей Максимович, какие были прекрасные сборники «Шиповник» и т.д.? Какие чудны<е> журналы «Летопись», «Русск<ое> Богатство» и т.д. Ведь и тогда Горький и Бунин (или Чириков) писали и думали по-разному, а всё же «Знание» или «Шиповник» помещали их рядом. Знаю, что наивно, а всё-таки кажется, что можно было бы устроить иначе как-то.

Чем моя «Суббота и Воскресенье» — не пролетарская? Почему я — отверженный?

Ну, хватит. Всего Вам наилучшего!

А. Высоцкий

Если есть ответ «Звезды», пожалуйста, сообщите.

1. Евсекция (Еврейская секция) — так называлась созданная в советское время при ВКП(б), наряду с другими национальными секциями, группа еврейских коммунистов, свято преданных большевистской политике.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

А.Л. Высоцкий
Максим Горький и сионизм⁵¹

Перевод с иврита Р. Кацмана

Этот небольшой очерк не добавляет неожиданных красок к портрету Горького или новых сведений об истории его отношений с Высоцким, каковые нельзя было бы вывести из публикуемых писем и комментаторского контекста. Тем не менее очерк интересен как лишнее доказательство того, что смерть Горького не оставила равнодушными людей в разных концах планеты, и, кроме того, он рассматривает горьковский филосемитизм сквозь сионистскую призму. Из него мы, например, узнаем о том, что Высоцкий трижды обращался к Горькому с просьбами о помощи сионистам, преследуемым в Советском Союзе («один раз вместе с Бяликом»), и, как он пишет, «всякий раз получал сообщения, что влияние Горького возымело действие».

Много было написано о Максиме Горьком после его смерти, и вот что интересно: утихли вдруг гнев и горечь, окружавшие его имя все последние годы, исчез Горький-партиец, и осталась лишь наша память о его поэзии и о его сердце. Остался Горький — поэт весенней грозы, Горький-буревестник. Он не «описывал дно», как это делали, например, Диккенс и Гюго, а был «на дне» и был первым и, возможно, единственным, кто, поднявшись оттуда, сумел поднять вместе с собой пламенное слово, песнь воли и битвы.

Я, однако, хотел бы сказать несколько слов не о творчестве Максима Горького, а о Горьком-человеке, об Алексее Пешкове (таково его настоящее имя). Я приведу несколько строк из его писем ко мне, в которых отразилось его отношение к евреям и к труду возрождения в Земле Израиля.

В 1925 году Горький опубликовал в своем журнале «Беседа», выходившем в Берлине, главу из моего романа «Зеленое пламя», в котором описывается строительство Земли Израиля в первые послевоенные годы. Горький писал: «Как великолепно было бы, если бы евреи нашли в себе силы создать то, что затеяно ими»⁵².

Так пишет Горький-*большевик*, близкий друг Ленина, Троцкого и других основателей Советской власти. Согласно убеждениям

⁵¹ *Visotzky A. Maxim Gorky ve-haziyonut // Haaretz (Jerusalem). 1936, August 10.*

⁵² Цит. по: *Горький*. ПССП. Т. 14. С. 317 (см. примеч. 7 к письму 1).

мопсов из «наших», тех наемных дегенератов и провокаторов, которые призывают «арабский пролетариат» резать их «еврейских <нрзб.⁵³>», Горький, конечно, заслуживал бы исключения из «партии».

Москва противилась сионизму главным образом потому, что формально тот оказался под покровительством Англии, и этого хватило, чтобы все антибританские эмоции выплеснулись на головы сионистов. Однако Москва начала проявлять открытую враждебность к сионизму под влиянием Евсекции, все члены которой, «специалисты» по вопросам иудаизма, были, разумеется, евреями. Они сделали своей главной целью войну с сионизмом, и именно они объявили Бялика «белогвардейцем» и «агентом британского империализма».

Само собой разумеется, на Горького все эти низкие наветы не повлияли. Во время погромов 1929 года он прислал мне телеграмму, а затем и письмо, в котором просил подробно описать эти события. В Москве заявили, что в Земле Израиля вспыхнула «революция», что «арабский пролетариат восстал против сговорившихся между собой сионистов и английских империалистов». Горький этому не верил. Он хотел знать правду и в письме ко мне от 6 октября 1929 года писал: «Ваш очерк имел бы особенно важное значение <...> о его <события> политических мотивах Вы не должны молчать»⁵⁴.

Нетрудно догадаться, что хотел Горький этим сказать: он стремился изменить отношение Москвы к вопросу Земли Израиля, и для этого ему нужна была правда. Но несмотря на то, что он был редактором «Звезды», ему не удалось опубликовать в ней мою статью⁵⁵.

Из нее ему стало известно, что во главе «восставшего арабского пролетариата» стоят крупные помещики и муфтий, религиозный лидер, и что официальной причиной беспорядков была Стена плача. Я послал ему вырезки из газет, фотографии, протоколы. Он не усомнился в их истинности, но опубликовать статью *в его же газете* не смог. Даже он не сумел преодолеть косные понятия, разрушить раз и навсегда утвержденную политическую платформу.

Преследования сионистов в России не прекратились, и Горький вновь и вновь старался защитить изгнанников и узников. Я трижды писал ему по этим вопросам (один раз вместе с Бяликом) и всякий раз получал сообщения, что влияние Горького возымело действие.

⁵³ Возможно, «гонителей» или «ростовщиков», «душителей»; не исключено, что в газете допущена опечатка.

⁵⁴ Цит. по: *Горький*. ПССП. Т. 19. С. 111 (см. примеч. 3 к письму 6).

⁵⁵ Высоцкий ошибается: Горький не был редактором журнала «Звезда».

Тот самый Горький, один из столпов большевистской идеологии, был другом сионизма. У меня нет в этом ни малейшего сомнения. Он был человеком совести, и совесть указывала ему истину.

Горький где-то пишет, что жизнь «содрала⁵⁶ кожу» с его сердца и потому он так чуток к страданию человека. Да, у него было большое сердце, и горе евреев также не было ему чуждо.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

КРОВЬ МАККАВЕЕВ

Драма в 4-х картинах

А. Высоцкого

Действующие лица

Ефим Борисович — Богач

Сара — дочь его, студентка

Предводитель дворянства

Сережа, сын его, студент

Горничная

Исправник

Священник

Доктор

Рабочий

Ландау — студент

Сруль-Зейлик — извозчик

Офицер

Цви

Иоська

Нахман

Халуц

Действие первое

Богато обставленная столовая. Вечер. Расставлены вина, разложены приборы. Яркое освещение. Сара поправляет вазы с цветами. Окна раскрыты и издали разносится малороссийская песня, то замирающая в безбрежном темном поле, то крепнущая под ударами

⁵⁶ В газетном тексте опечатка.

могучего баса. Сара прислушивается, не выпуская из рук цветов. Вдруг под окнами кто-то поет ту же песню — всё громче и громче. Сара тихо смеется и идет к окну. В окне показывается Сережа, студент, в голубой блузе, студенческая фуражка набекрень на курчавой голове.

СЕРЕЖА (*поет*):

Очи твои черни
Щиро закохав.

СЕРЕЖА. Они тепер все на заводе: твой папа им каждое колесо показывает. У исправника даже испарина выступила на лбу.

Старается обнять ее, она увивливает.

САРА. Вы с ума сошли!

ГОРНИЧНАЯ (*несет огромный графин водки*). Это для исправника. Правда, барышня, что он один целый графин выпивает?.. (*Увидев Сережу*.) Добрый вечер, паничу.

СЕРЕЖА (*подмигивает ей чуть заметно*). Здравствуй, здравствуй.

Горничная уходит, опустив голову.

Сарочка. Сегодня выйди, прогуляемся у реки...

САРА. Нет, Сережа. В двенадцать на известном Вам месте будет доклад товарища Ивана: Пролетариат и его борьба.

СЕРЕЖА (*почесывается*). Пролетариат и его борьба... (*Смотрит на небо*.) Сарочка... луна сегодня какая-то особенная. Пьяная. Выдь ко мне на минутку.

Издали слышны бубенцы и раздаются голоса.

Уже! Нанесло их! Так скоро! Сарочка...

САРА. Не забудьте: в двенадцать у товарища Ивана. (*Уходит от него. Он исчезает. Улыбаясь*.) Еще мальчик! —

ЕФИМ БОРИСОВИЧ (*за дверью*). Милости прошу, господа.

Входит. На нем фрак и орден. Предводитель дворянства с лентой и звездой, исправник, священник, доктор Шмулевич и другие гости.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ (*предводителю*). Ваше Превосходительство, вот моя дочь — студентка. Она же и хозяйка моя. Вдовец я.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ (*здороваясь, треплет ее по щеке*). Здравствуйте, красавица. Да вы, однако, с моим Сережей однокурсники? (*Не выпуская ее руки*.) Не правда ли, господа? времена теперь куда лучшие: теперь учатся вместе с такими красавицами! Хе-хе-хе.

САРА. Да, я учусь вместе с вашим сыном.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ. Так уж не вы ли его таким демократом настроили?

САРА. Как это можно настраивать взрослого человека? Ведь он уже студент.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ. Вы, я вижу, разумница, а он — ветер в голове. На голове — студенческая фуражка, а в голове — ветер.

САРА. Плохого вы мнения о своем сыне!

ПРЕДВОДИТЕЛЬ (*отходит*). Ну, Ефим Борисович: дочь у Вас умница.

Исправник щелкает шпорами, здоровается с нею. За ним — остальные.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Милости прошу, дорогие гости. Ваше Превосходительство — сюда пожалуйте. Батюшка, — пожалуйте.

Все рассаживаются. Разливают вино.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Подымаю тост за его императорское величество, за излюбленного монарха нашего, удостоившего и меня своей великой милостью. Ура!

ГОСТИ (*встают*). Ура! Ура! Ура!

ПРЕДВОДИТЕЛЬ. Господа. Я подымаю бокал за нашего юбиляра Ефима Борисовича и считаю своим долгом заявить, что орден, которым он нынче удостоен, он давно заслужил. Его ревностное и честное исполнение казенных подрядов, отменная преданность престолу, его огромные жертвования в пользу благотворительных и просветительных учреждений — всё это давно всем известно, и хотя Ефим Борисович — еврей, но всё же он заслужил общее уважение. Теперь, празднуя получение им первого ордена, я пью за здоровье юбиляра. Ура!

ГОСТИ. Ура! Ура! Ура!

СВЯЩЕННИК. На всякое благо откликнется Ефим Борисович. Только церковь, печальная дочь Христова, не видит его милостей, ибо он — иудей. Вот сколько времени строится у нас новый собор — окончить его мы всё еще не в силах. Сколь горестно, что поднесь Ефим Борисович не вступил еще в священное лоно христианства.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ. М-да. Он был бы уже теперь в высоком чине.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Ваш упрек справедлив, ваше преподобие. Действительно, мне давно следовало бы подумать о помощи собору. Я жертвую на постройку собора десять тысяч. Что же касается моего перехода в православие, гм, э-э-э, как бы это сказать. Дочь мою я не стесняю: как ей заблагорассудится. А мы, старики, умрем уж как родились, в той же вере. Поздно уж.

СВЯЩЕННИК. Щедрый дар мы с радостью великой приемлем и сегодня еще известим об этом его преосвященство. Да воздастся вам по великим заслугам, Ефим Борисыч. А вера — действительно,

дело совести. Ежели совесть не допускает, ею кривить не следует. За это вы еще паче достойны уважения.

ГОСТИ. Ура! Ура! Ура! (*Пьют.*)

ДОКТОР. Я тоже приветствую дорогого юбиляра. Я тоже не нахожу возможным менять религию на склоне лет, но так же, как Ефим Борисыч, чувствую себя совершенно русским. Мы, евреи, должны быть примерными подданными, во всем хорошем подавать пример, и тогда постепенно падет презрение, которым мы окружены. Такие евреи, как Ефим Борисыч, быстро ведут к падению нашего бесправия.

ГОЛОСА. Верно! Правильно!

ГОРНИЧНАЯ. Ефим Борисыч. Там... (*фыркает*) там.. ф-ф-фы...

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Да говори толком.

ГОРНИЧНАЯ. От рабочих пришли аблакаты, че-ли, выговорить не умею.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Чего им нужно?

ГОРНИЧНАЯ. С хлебом-солью.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Депутация. (*Приосанивается.*) Ну, зови. Пусть ноги вытрут.

ГОРНИЧНАЯ (*идет*). Ф-ф-фы.

В комнату робко входит депутация от рабочих. У них на блюде хлеб-соль. Кланяются во все стороны.

РАБОЧИЙ. Ефим Борисыч. Рабочие, значит, нашего завода подносят вам в честь праздника ордена царского свое поздравление. Как, значит, все мы питаемся вашим хлебом, просим не побрезговать на нашей хлеб-соли.

ЕФИМ БОРИСЫЧ (*принимает блюдо*). Спасибо вам. Вот вам на водку.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ. Водку-то пейте, да не забывайте, кто вас кормит, кто ваших ребят учит грамоте, кто вам фельдшера держит для лечения — всё Ефим Борисыч. Так смотрите же вы у меня! Смирно работать и никаких бунтарей не слушаться. Чуть заявится какой прохвост и начнет вас учить супротивничать законной власти или хозяину вашему, сейчас же ему руки скрутить — и в полицию. Поняли?

РАБОЧИЙ. Поняли, ваше благородие. Очень даже поняли.

ГОРНИЧНАЯ (*тихо*). Сиволапый. Да хоть ногою-то шаркни.

РАБОЧИЙ (*ей*). Брысь. (*Ефиму Борисычу.*) Прощайте. Очень благодарны.

Рабочие уходят.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Хоть и простонародье, а понимают все-таки, блюдо-то серебряное.

ИСПРАВНИК. Злодеи! Одно несчастье с ними!

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Вам известно что-нибудь о моих рабочих?

ИСПРАВНИК. Приехал какой-то агитатор, товарищ Иван... (Оглядывается.) Посторонних нет? Мутит народ. Наверное забастовки будут.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ. А вы чего смотрите?

ИСПРАВНИК (тихо). Сегодня в ночь, ваше превосходительство. Собрание у них. Мне, однако, пора. До приятного свидания, Ефим Борисыч. Честь имею кланяться, ваше превосходительство. (Уходит.)

ПРЕДВОДИТЕЛЬ. Дельный мужик этот исправник. Я им доволен. Ну, дражайший юбиляр, пора и мне.

Все поднимаются.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. До свиданья, господа. Благодарю за честь.

ГОСТИ. До свиданья. До свиданья.

ЕФИМ БОРИСЫЧ (провожает. Доктору). Оставайтесь, доктор. Побеседуем.

САРА (у окна пишет что-то, потом звонит. Горничной, тихо). Беги, милая, скорее в дом Сафронова, знаешь? Отнеси записку Ивану. Так и скажи — Ивану.

ГОРНИЧНАЯ. Знаю, знаю. (К Ефиму Борисычу.) Ефим Борисыч, какие-то еврейчики, давно дожидаются там.

ЕФИМ БОРИСЫЧ (к доктору). Ни минуты покоя! Ну, чего там?

ГОРНИЧНАЯ. Да тоже вроде как аблакаты.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Ну зови.

САРА (горничной на ухо). Скорее, милая.

Входят трое. Все в черном. Ландау впереди. В петлице у него Щит Давида. Кланяются. Ландау отдельно кланяется Саре. Ефим Борисыч принимает их стоя.

ЛАНДАУ. Многоуважаемый Ефим Борисыч. Местная сионистская организация послала нас к вам, в торжественный для вас день, поздравить вас с получением ордена. Такие явления так редки в жизни еврейства, что именно в эти минуты мы с большей силой чувствуем наш вековой гнет. В такие минуты с громким криком пробуждается человеческое достоинство и требует, чтобы мы ушли от этого позорного гнета — в Палестину, в поля нашей былой славы, на нашу историческую родину.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Сарочка, закрой окно. Вас могут услышать. Не говорите об этом — это противоправительственная агитация. Мы должны быть примерными русскими подданными — это самое главное.

ЛАНДАУ. Извините, Ефим Борисыч. Мы не говорим, что не следует быть хорошими подданными. Но мы должны всеми силами стремиться в Палестину, где мы снова станем здоровым народом. Мы слышали о Ваших громадных пожертвованиях; поп только что говорил, что вы дали в пользу русской церкви огромную сумму, и мы хотим вам напомнить о вашем долге перед еврейским народом.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Мало я даю? Доктор, я не поддерживаю еврейской больницы?

ЛАНДАУ. Ах, вы не о том! Мы говорим о Палестине. Там закупается теперь земля для наших переселенцев. Пожертвуйте...

ДОКТОР. У вас имеется устав, утвержденный правительством?

ЛАНДАУ. Скажите, доктор, когда человек ранен, вы потребуете у него разрешения правительства или вы ему рану перевяжете? Нас тут душат, дети наши гибнут от чахотки и вырождения, нам нельзя выехать за пределы голодного местечка. Мы уйдем в палестинские поля и станем свободными земледельцами. Помогите нам купить еще клочок земли — перевяжите нашу вековую рану. А вы спрашиваете подпись исправника!

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Что это за значок у вас?

ЛАНДАУ. Это тоже орден, Ефим Борисыч. Он мне дан еврейской историей: ему уже сорок веков.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Ух, какой вы шустрый! Вы, кажется, учились в бесплатной школе?..

САРА. Папа!

ЛАНДАУ. Не волнуйтесь, Сара Ефимовна — я не обижен.

САРА. Он теперь студент.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Да? Ну, хорошо — двадцать пять рублей я вам дам, сделайте с ними что хотите.

ЛАНДАУ (*мгновенье молчит*). Не в цифре дело, но... Ефим Борисыч! Ведь на церковь вы дали целых десять тысяч. Неужели же еврейский народ настолько ниже в ваших глазах?

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Ах, начинается торг! Ну, так я ничего вам не дам.

ЛАНДАУ. Хорошо. Мы уходим. Но помните: придет час, когда не помогут вам ни ваши церкви, ни ордена, ни капиталы. Поруганный и нищий придете вы к нам, в страну наших надежд. Будете стоять под дверью, и вам скажут: вы не помогли страдающему народу в его тяжелой нужде, идите же теперь к своим попам и генералам. Идемте, товарищи. (*Уходят.*)

ЕФИМ БОРИСЫЧ *(вслед)*. Я сейчас же напишу исправнику! Это что за безобразия!

САРА. Папа! Папа!

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Угрозы! Вы, говорит, будете стоять у нашей двери, как нищий, — ах ты прохвост! Что же, мой завод подождешь? Но он в двух обществах застрахован. Или, может быть, государственный банк обанкротится? Или Россия погибнет от революции? Нет, шустрые голоштанники: Россия — не республиканская Америка! И не несчастная Франция! Там возможны революции, туда пусть и идут эти молодчики — там для них место. Только не здесь, не в самодержавной России. Россия — как скала среди океана — она ничего не боится. Не правда ли, доктор?

ДОКТОР. Что за вопрос!

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Ах ты наглец! Нет, милейший доктор: как хотите, недаром нас, евреев, не любят. Ведь подумайте, какая наглость: я у его дверей буду... *проеится!*

ДОКТОР. Бросьте, Ефим Борисыч: вам вредно волноваться.

САРА. Папа! Успокойся! Довольно!

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Пойдемте, доктор, в сад. Погуляем. *(Идут.)*
Ах ты, голоштанник! Как он переволновал меня. *(Выходят.)*

Тишина. Вдруг за окном

ГОРНИЧНАЯ. Ай-ай! Не щипайтесь!

САРА *(быстро к окну)*. Сережа тут... Кто же это щипал горничную?

СЕРЕЖА *(у окна)*. Освободилась наконец, Сарочка?

САРА. Д-да, освободилась, Сережа. Тут, Сережа, только что моя горничная визжала.

СЕРЕЖА. Визжала? Я не слышал.

САРА. Странно, что я слышала, а вы — нет. Ах, вот и она.

ГОРНИЧНАЯ. Вот вам ответ, барышня. *(Смотрит в сторону Сережи.)*

САРА. Да, да, — ответ. Спасибо. *(Растерянно.)* Простите, Сережа. *(Вскрывает. Сережа отходит от окна, свистит.)*

САРА *(про себя)*. Если правда, что выдал нас Сережа, он будет убит. *(Вскрикивает.)* Убит! Сережа!

СЕРЕЖА. Что, деточка?

САРА. Вы знаете, кто-то донес полиции на Ивана и доклада сегодня уже не будет?

СЕРЕЖА. Нет, не знаю. Ну тогда пойдем, Сарочка, погуляем: чудесно на дворе.

САРА. И это всё, что вы могли мне сказать?

СЕРЕЖА. Ах, Сарочка! Ты делаешься несносна. Всё-то ты серезна, всё-то чем-то озабочена. Посмеяться с тобою нельзя. Ведь тебе только девятнадцать лет.

Сара долго смотрит на него.

САРА. Поверните-ка голову к свету. Да, это новое лицо. Я раньше его не видела. Сколько мы уже знакомы? Два года? Но вы теперь какой-то новый.

СЕРЕЖА. Что с тобой приключилось сегодня? Да подойди чуть ближе, чтобы моя рука тебя достала.

САРА (*отодвигается*). Сережа, вы слышали ли когда-нибудь про Палестину?

СЕРЕЖА (*смеясь*). Про Палестину? (*Смеется*). Как же: Родильный приют для святых.

САРА. И вы не слышали, что Ивана выследили?

СЕРЕЖА. Не слышал. (*Хочет ее достать. Она отодвигается.*)

САРА. И как горничная визжала, вы тоже не слышали?

СЕРЕЖА. Да что с тобой? Странно!

Занавес

Действие второе

Бедная комната. Раскрытый чемодан. Ландау укладывается. На стене карта Палестины. Он, наконец, закрывает чемодан и задумчиво смотрит кругом.

ЛАНДАУ (*подвернулась студенческая фуражка — отбрасывает ее*). Студенческой фуражки там не нужно. Да, нелегко было стать студентом, но там начинается новая жизнь: плуг и серп. Слава Богу, всё кончено: сейчас я уезжаю в Палестину. Как я сказал: в Палестину. Неужели это правда? Разве может стать видима душа? (*Смотрит на карту.*) Земля моя родная. С детских лет я тосковал о тебе. Вот я вижу тебя в блеске знойного солнца. Ты цепенеешь в тысячелетнем сне, растоптанная, поруганная, покрытая песками. Слышишь ли, как рвутся к тебе наши сердца? Мы — идем. Как голодные зубы, вопьются наши руки в твои сухие пески. Покроем тебя зелеными нивами, зазвучат повсюду голоса пахарей... (*Стучатся.*) Кто бы это был? Уже все друзья перебивали у меня. (*Идет к двери.*) Войдите. (*Отступает.*)

Входит Сара. Долгие мгновения оба молчат.

САРА. Здравствуйте, Ландау. Я узнала о Вашем отъезде и пришла попрощаться. Вы удивлены?

ЛАНДАУ. Да, я удивлен. Очень удивлен и обрадован. У меня перебивали сегодня десятки людей — друзья, товарищи. Но вы, Сара Ефимовна.

САРА. Я тоже друг.

ЛАНДАУ. Нет, вы не знаете, кто вы. Вы не знаете! (*Смотрит ей в лицо.*) Вы — у меня, в моей бедной комнате. Это тоже чудо. Садитесь вот тут, около этой карты. Это портрет моей родины. Знаете, Сара Ефимовна, когда мне было десять лет, я учился в бесплатной школе для бедных. Я каждую неделю обедал в другой семье — по очереди. В некоторых семьях были злые дети, они меня били, бросали мне в тарелку всякую гадость. Я был сирота. У меня была сумка. Там лежали мои книжки, молитвенник моего отца — вот он — и одна сорочка, которую я сам стирал. Это был весь мой багаж, и я его постоянно носил с собой. Однажды я встретил на улице девочку с золотыми кудряшками. Она посмотрела на меня и улыбнулась. И в моем сиротском сердце зародилась любовь. (*Волнуется.*) Это были вы. Вам не скучно?

САРА. Зачем Вы это спрашиваете?

ЛАНДАУ. Знаете, Сара Ефимовна, но утром, бывало, прячась за соседние дома, я жду мгновенья, когда Вы покажетесь. Мне было страшно попадаться вам на глаза: я был так грязен и оборван. Я прятался, созерцая вас. Но однажды я неожиданно столкнулся с Вами. Вы шли с большим красивым мальчиком. Он был в хорошем гимназическом пальто. Вы мне опять улыбнулись. А ваш спутник вдруг поймал меня за нос и, зло засмеявшись, сказал: — Этот мальчуган ест отбросы. — Вы топнули ногой и гневно крикнули своему кавалеру: «Не смей его трогать!» Вы помните всё это?

САРА. Помню. Продолжайте, пожалуйста.

ЛАНДАУ. Я долго не ходил на вашу улицу — может быть, год или больше. Когда я уже работал в типографии, ел свой хлеб и одел новый парусиновый костюм, я опять встретил Вас и поклонился. Вы значительно подросли, кудри ваши стали длиннее, и вы были ослепительны. Вы улыбнулись и спросили меня: «Где вы теперь живете, мальчик?» Я вам что-то говорил, но я был как во сне. Мой костюм, мой прекрасный парусиновый костюм, казался мне таким уродливым в вашем присутствии.

САРА. О чем вы задумались?

ЛАНДАУ. Простите: я и теперь как во сне. Я вас несколько раз потом встречал. Лет в четырнадцать я уехал в Одессу, и долгие годы разлучили нас. Потом, в университете, мы несколько раз мимо-летно беседовали — но пути наши были разные. Сара Ефимовна!

Ради Бога, не беспокойтесь: я не объясняюсь вам в любви. Детские сны давно уже рассеялись. Но эта девочка со своей божественной улыбкой осталась в моей памяти, как единственный луч света в моей сиротской ночи.

САРА (*задумчиво*). Да, я всё помню. Матери не было у меня и поэтому, видно, я так чувствовала ваше сиротство. Я много раз просила отца взять вас к нам, но он всегда отвечал, что еврейские дети грязны и испорчены. Я встречалась только с русскими детьми из здешней знати. Бывала на елках, в Пасху яйца красила. (*Спохватившись*.) Да, но я всегда видела, что вы меня избегаете, даже потом, в университете. Почему вы меня избегали?

ЛАНДАУ. Вы всегда были окружены русской молодежью. Особенно этот... Сережа Силин, предводительский сынок. Говорили, что вы — его невеста. Я слышал, что осенью вы окреститесь и выйдете за него замуж. Вы меня понимаете?

САРА. Это всё — неправда. Это всё — в прошлом. Я долго дремала, и вы, Ландау, вы разбудили меня в тот вечер, на торжестве у нас. Где ваш орден, которому сорок веков? Покажите мне его. (*Расматривает его*.) Подарите мне его, Ландау, в память об этом вечере.

ЛАНДАУ. Вы его хотите? Я очень рад вам подарить его. Пусть он всегда напоминает вам наш великий, но несчастный народ и нашу родину Палестину.

САРА. И вас, Ландау — также и вас. Спасибо. (*Прячет*.) Я несколько раз бывала в синагоге и слушала ваши речи. Книжки читала. Я теперь пришла искупить ошибку моего отца. Вот здесь бриллиант моей покойной матери. Это — моя собственность. Возьмите его в пользу вашего дела.

ЛАНДАУ. Почему же — вашего дела? Почему не — нашего дела? Почему я должен взять бриллиант: почему вы сами не едете в Палестину? (*Дрогнувшим голосом*.) Едемте вместе. Я вас подожду.

САРА (*задумчиво*). Ах, Ландау. Это так трудно — переродиться. Вы знаете — я социалистка. Я думала всю жизнь служить рабочему делу. Я еще не решила, кто ближе мне: рабочие ли нашей фабрики или ветхие еврейские лачужки, что далеко за оградой нашего сада. Оттуда вечно слышен плач детей. Это мучительный узел! Мне нужна ваша поддержка: пишите мне часто.

ЛАНДАУ. О! Если вы только позволите...

САРА. А теперь расскажите мне: как вы рисуете себе жизнь в Палестине.

ЛАНДАУ. Очень просто, Сара Ефимовна. Не ищите только особой поэзии. Я поступлю рабочим к какому-нибудь колонисту. Про-

работаю у нег год-два. Намозолятся руки, окрепнет спина, приучусь к работе на солнце. Потом соберется группа таких, как я, обученных рабочих, нам дадут участок земли, и мы заведем новую колонию. (*Оживляется.*) Дадут нам землю запущенную, занесенную песком. По соседству может оказаться лихорадочное болото. Мы пророем канавы и высушим болото и насадим на нем эвкалиптовый лес. И многих потом недосчитаем.

САРА. От лихорадки?

ЛАНДАУ. Да: от лихорадки, от диких арабов. А песок мы польем своим потом, и он оживет, заколышется на нем пшеница. Так вот, в труде, в борьбе пройдет жизнь. Посмотрю назад и увижу: среди мертвых песков клочок цветущего поля и на нем молодые пахари, пришедшие вслед за мной из позорной неволи. (*Смотрит на нее.*) Ничего больше! Ни высоких взлетов, ни рыцарских подвигов.

САРА (*смеется*). Революционеру угрожает ссылка или каторга. Но ему удастся иногда избежать ее. Вы же сами идете на каторгу, и в ней самой ваш подвиг. (*Встает и кладет ему руку на плечо.*) Идите, подвижники, на свой тяжелый подвиг. А мы, отсталые, мы, безвольные, в вашем подвиге будем черпать силу. И, может быть, придем вам когда-нибудь на помощь.

Слышно, как подъехал экипаж с бу<б>енцами. Голос

СРУЛЬ-ЗЕЙЛИКА: Т-пр-пру, стойте вы, черная хвороба! Стой! Эй, Ландау! Скорее вели лакею выносить чемоданы, автомобиль подъехал. (*Входит с кнутом в руке.*) Я догадался, что твой лакей еще не родился: давай вещи скорей: пассажиры ждут. (*Видит вдруг Сару. Удивленно.*) Здравсте вам, барышня. Вы вовсе здесь? (*Тихо к Ландау.*) Ах, ты разбойник! Смотрите, кто к нему в гости ходит! (*К Саре.*) Барышня, может быть, вы тоже поедете? Мой автомобиль готов. (*К Ландау, тихо.*) Слушай, Ландау, не будь дураком: увези ее в Палестину. Я ее ночью доставлю к поезду — ни один дьявол не увидит. Это нам дело не новое.

ЛАНДАУ (*ударяет его по плечу*). Ах, Сруль-Зейлик, Сруль-Зейлик! Вы всё еще молоды душой. Ну, выносите вещи.

САРА. Ну... (*Встает.*)

ЛАНДАУ. Сейчас... Я хотел вам сказать...

СРУЛЬ-ЗЕЙЛИК (*берет чемодан*). А эту фуражку ты здесь оставляешь? Так лучше я ее одену. Вот так. Ты там станешь извозчиком, а я здесь — студентом. По дороге мужики примут меня за солдата и не будут в меня камнями бросать.

Из-за стены голоса: «Сруль-Зейлик, скорее. Нам надоело ждать».

СРУЛЬ-ЗЕЙЛИК. Надоело ждать, так пешком идите. Подумаешь, какие господа. *(Выходит.)*

САРА. Что вы хотели сказать? *(Слышны бубенцы.)*

ЛАНДАУ. Ах, да. Я хотел сказать. Я очень много хотел вам сказать, но мои мысли разлетелись по воздуху, как звон этих колокольчиков.

ПАССАЖИР *(за стеной)*. Скорее привяжите вещи, Сруль-Зейлик: жарко стоять на солнце.

СРУЛЬ-ЗЕЙЛИК. Прикройся козырьком моей фуражки.

ЛАНДАУ. Почему вы так поздно пришли, Сара Ефимовна? Вы опять явились как видение.

САРА *(протягивает руку)*. Авось мы еще увидимся. Прощайте. Не забывайте меня.

ЛАНДАУ. Прощайте, дорогое видение. *(Она скрывается за дверью. Она еще делает два шага за нею.)* Она была здесь. *(Шаг к двери.)* Ушла. *(Шаг к двери и сталкивается со Сруль-Зейликом.)*

СРУЛЬ-ЗЕЙЛИК. Стой! Стой! Стой! Это не она — это я. *(К публике.)* Еще немного и он кинулся бы мне на шею!

Занавес

Действие третье

Столовая Ефима Борисовича. Утро. Прежней хорошей мебели нет; небольшой столик, два-три старых стула, две кровати. Ефим Борисович постарел, в потертом костюме. Сара подметает комнату.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Всё забрали, разорили, ограбили. Мебель унесли. В моем же собственном доме оставили мне только одну комнату, а хозяйкой всего дома стала моя прежняя горничная и заводской комитет. И всего этого мало: каждую ночь — обыски, ограбления, грабежи. Последнюю простыню забрали вчера ночью. Я говорю им: да Бога побойтесь — это моя единственная простыня. А они отвечают: «А ты очень Бога боялся, когда рабочих грабил да пузо себе растил».

САРА. Хорошо еще, что на улицу не выгнали.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ *(подходит к стене и подымает угол карты России. Тихо)*. Весь пол и все стены, злодеи, выстукивали ночью, только под картой стучать не догадались. *(Стучит пальцами.)* Сарочка, слышно, что здесь пустая стена?

САРА. Нет, кажется.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Не дай Бог, если они найдут этот тайник: всё, что уцелело, схоронено здесь. Даже ордена исправника здесь — дал мне спрятать. (*Заботливо разглаживает карту.*) Неделю назад Деникинская армия была здесь. (*Водит по карте пальцем.*) По слухам, большевики понесли здесь страшный урон и начали быстро отступать. (*Тихо.*) По моим вычислениям деникинцы уже близко. Ты разве не видишь, что у нас кругом творится?

САРА. Ничего особенного не вижу. Сейчас пойду в очередь на хлеб. Будут оскорблять меня, как всегда.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Потерпи, милая. Уже близко избавление, поверь мне. Вчера всю ночь они вывозили отсюда припасы. Теперь они объявили для чего-то осадное положение. В совете у них, говорят, паника и непрерывное заседание. (*Оглядывается.*) Решили расстрелять всех молодых интеллигентов, а те ночью выбрались из города в лес, откуда-то достали оружие и поджидают деникинцев, чтобы присоединиться к ним.

САРА. Ты думаешь, папа, что для нас, евреев, деникинцы лучше красных?

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Всё ты со своим еврейством. При чем тут еврей? Я прежде всего — коммерции советник. Да. Деникин признает царских слуг, черт побери. Это возвращается законная власть.

Дверь с треском растворяется. Влетает

ГОРНИЧНАЯ. Я сколько раз говорила вам, Сара Ефимовна, сор выносить за ограду. Не понимаете вы теллигентного обращения! Тоже буржуазные повадки. (*Поворачивается и уходит, хлопнув дверью.*)

САРА (*тихо смеется*).

ЕФИМ БОРИСЫЧ (*хватается за голову, бежит к двери, топает ногами.*) Задушу! Своими руками задушу эту гадину. Дай срок. Уж погодите немного, душегубцы, — кончится ваш разбой. Пусть только придет законная власть. (*Ходит по комнате.*) Пойти бы по городу, поразнюхать, да жутко по улицам ходить при осадном-то положении. (*Берет шляпу.*) Я скоро вернусь, Сарочка.

САРА. Бедный мой отец. (*Садится. Вынимает письмо.*) Какое неожиданное утешение в это ужасное время. (*Читает.*) Я уже не раз писал вам за годы нашей разлуки, но ответа всё нет. Если дойдет письмо, вспомните о Ландау и черкните пару слов. Война удушила наше движение. В Палестине много нашей работы погибло. Одно осталось: вера. Война окончена. Гроза рассеивается. Мы надеемся, что скоро ринется сюда безграничный поток свежих, сильных людей. (*Задумчиво.*) Бог знает, что ждет нас!

ЕФИМ БОРИСОВИЧ (*торопливо входит*). Ясное дело: красные бегут. Об этом уже всюду говорят. Полицейских не видно. Кучки людей стоят на улице, и их не разгоняют. Возле совета стоят автомобили, нагруженные вещами. Деникинцы близко... О, Господи! Неужели конец мучениям? Да, ты слышала? Белогвардейцы-то наши, что засели в лесу, отбили целый обоз провианта у красных. Говорят, что Сережа их предводитель.

САРА (у окна). Куда-то проскакал отряд красных. А это кто? Папа, идет сюда бывший исправник.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. А, новости, должно быть.

ИСПРАВНИК (*в женской куртке, в порванных галошах на босу ногу и в погнутом котелке*). Доброго здоровьица, Ефим Борисыч. Здрости, Сара Ефимовна (*щелкает галошами*). Погодка сегодня благоприятная. (*Подходит к окну, прислушивается потом к двери. Тихо.*) Ефим Борисыч, не позднее как сегодня в полдень придут деникинцы.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Наверное?

ИСПРАВНИК. Как дважды два. Комиссары уже садятся в автомобили. Возможно, что наши ребята из лесу перехватят их.

В дверь стучат.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Ой, идут проклятые! Опять будет обыск. (*Волнуется.*) Войдите.

ГОРНИЧНАЯ (*смиренно*). Барышня, не сходить ли мне за хлебом для вас? Теперь по улицам такое творится, не пристало вам самим ходить.

САРА. Нет, спасибо. Я сама пойду. Чего это вы вдруг?

ГОРНИЧНАЯ. А то я схожу. Мне скорее пристало. (*Молчание.*) Барышня, милая. Комиссары-то убегли, деникинцы, слышно, подходят. Говорят, старый режим будет. Заступитесь, милая барышня, ежели какое следствие зачнется.

ИСПРАВНИК (*тихо Ефиму Борисычу*). Провокация. Будьте осторожны.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Ничего не знаем и знать не хотим. Мы политикой не занимаемся.

ГОРНИЧНАЯ. Уж будьте благодетельны, Ефим Борисыч. Я и то говорила мужу. (*Уходит.*)

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Господи! Неужели же?

ИСПРАВНИК. Смею вас просить, Ефим Борисыч, достать для меня ордена мои, которые по старой дружбе вы припрятали у себя.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Зачем они вам?

ИСПРАВНИК. Форменное платье забрано бандитами. Я как должностное лицо, знаете, — неловко. Хоть орденок прицеплю.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Пожалуйста. *(Достаёт из-под карты.)*

ИСПРАВНИК *(нацепляет ордена, прикрывает их шейным шарфом, приосанивается)*. До приятного, Ефим Борисыч. Мое почтение, Сара Ефимовна. *(Идет к двери.)*

САРА *(удерживает смех, отворачивается к окну)*. Стрельба, папа. Куда-то бегут.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Это, видно, Сережа с молодцами напал на автомобили комиссаров.

ИСПРАВНИК. Очень возможно. *(Возвращается.)*

САРА. Папа, что-то неладное. Евреи бегут с ужасными воплями. И только — евреи.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. При чем тут евреи?

САРА. Папа! Папа! Ужасно! Казаки скачут за евреями и рубят их шашками.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Что? Где? Что ты толкуешь? *(Смотрит. Слышны крики и выстрелы.)* Да, да. Это что-то странное. Казаки возле нашего сада уже. Ну-ка, и я прицеплю мой орден... *(Достаёт, прицепляет трясущейся рукой.)* Сарочка, что с тобой?

САРА *(плачет)*. Папочка, не могу! За что! *(Смотрит в окно.)* Папочка, евреи бегут в наш сад.

Из другого окна, ведущего в сад, слышен плач, крики. Окно растворяется.

КРИРИ ТОЛПЫ. Ефим Борисович! Защитите! Заступитесь! Бьют! Убивают!

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Боже мой! Они и нас подведут. Пусть уходят. Пусть уходят из моего сада.

ИСПРАВНИК. Да, да, Ефим Борисович: пусть уходят из сада. *(Становится у окна, толпе)*: Пошли вон, жида! Вон, говорю, — не то кликну казаков.

ТОЛПА. Пошадите, Ефим Борисович! Убивают! Бьют!

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Сарочка! Куда ты!

САРА *(отталкивает исправника. Толпе)*: Идите сюда! Идите сюда! Прячьтесь у нас!

ИСПРАВНИК. Сара Ефимовна! *(Ефим Борисович изумленно смотрит на нее.)*

САРА. Не бойтесь исправника, идите сюда. К нам! *(Несколько человек вскакивают в окно.)* Отлично. Будем все вместе.

За сценой крик, свист, выстрелы. Дверь растворяется.

ГОРНИЧНАЯ. Всех жидов убивают. Уж и сюда идут. Грех мне с вами. Из-за вас и мне погибать. Господи, Мать Пресвятая. Скорее икону повесить.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Не может быть! Не поверю — царских слуг! *(Крики за сценой усиливаются. Выстрелы.)*

С треском раскрывается дверь. Врывается офицер с казаками.

ОФИЦЕР. Где?

ГОРНИЧНАЯ. Я православная. *(Крестится.)* И муж мой. Они вот... жида.

ОФИЦЕР *(к Ефиму Борисовичу)*. Ты жид? Поганая морда! *(Замачивается нагайкой.)*

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Я коммерции советник и верный слуга Его Императорского Величества.

ОФИЦЕР *(в недоумении смотрит на орден)*. Это что? Это как? За деньги?

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Вот и наш милейший исправник засвидетельствует.

ИСПРАВНИК *(приосанивается)*. Честь имею представиться: уездный исправник...

ОФИЦЕР *(к исправнику)*. Проваливай, пока цел, полицейский крючок, взяточник! Ребята! Бей жидов — спасай Россию!

КАЗАКИ. Ур-р-ра! *(Хватают Ефима Борисовича.)*

САРА *(загораживает его)*. За что? Куда вы его ведете?

ОФИЦЕР *(закручивает ус)*. А-а! Н-да. Скажите, пожалуйста! Я и не приметил, какая тут штучка. *(Щелкает шпорами.)* Освободите вашего папахена, милая красавица. Ему нужно идти исполнять свой ... долг, на первом же дереве.

КАЗАКИ. Ха-ха-ха!

ОФИЦЕР. А вы со мною побудьте здесь.

Казаки отталкивают ее и берутся опять за Ефима Борисовича.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Доченька моя, отойди! Я царский слуга. Я требую, чтобы вы меня повели к генералу. Пусть он рассудит.

ОФИЦЕР. Да-да-да. К генералу его! К генералу! *(Подмигивая казакам.)*

КАЗАКИ. Ха-ха-ха!

САРА. И я с ним.

ОФИЦЕР. Нет. Вы побудете немного со мной. У вас прекрасные бедрышки. *(Кивает казакам, те тащат Ефима Борисовича.)*

САРА *(борется)*. Я не пушу его, изверги! Я не пушу! *(Изо всех сил ударяет казака по лицу. Казак испуленно ударяет ее револьве-*

ром по голове. Облитая кровью, она падает. Ефима Борисовича тащат.)

ЕФИМ БОРИСОВИЧ *(кричит)*. Убили! Дочь моя! Доченька! *(Борется. Его бьют и выталкивают. Все, кроме офицера, выходят. Из-за двери.)* Дочь! Дочь моя!

ОФИЦЕР *(наклоняется к ней)*. У, скотина! Да он ее до смерти, что ли? Нет, дышит.

СЕРЕЖА *(входит. Полувоенный, полуштатский. В руке — револьвер)*. Что с нею? *(Смотрит. Офицеру.)* Моя бывшая пассия.

ОФИЦЕР. Славненькая жидовочка, да жаль — окровавлена. Знаете ли, я люблю только бифштексы с кровью.

Занавес

Четвертое действие

Поле. Солнце заходит. Издали виднеются дома с плоскими крышами, пальмы финиковые. Далее — горы. В разных местах виднеются рабочие, работающие вилами, граблями, косами. Перекликаются: «Домой. Солнце село — домой». На первом плане виден Ландау и еще один рабочий, Цви, несколько старше Ландау. Ландау значительно постарел, загорел. Небольшая борода. Закатанные рукава. Рабочие бросают постепенно орудия и проходят по двое, по трое к колонии.

ЛАНДАУ *(бросает грабли и приближается к сцене)*. Цви, нам караулить. Сегодня: наша очередь. Останемся здесь. Зачем идти в колонию? *(Снимает со стога котомку и ружье. То же продельывает Цви.)*

ЦВИ. Да, я согласен: устал. Тут поужинаем. *(Осматривает ружье.)* Сегодня бедуины разбили палатки за той горой. Нужно быть наготове. *(Смотрит из-под ладони.)* Много их. И скота много. Начнут они теперь скот загонять в наше поле и к нашим лошадям добираться. Придется драться с ними.

ЛАНДАУ *(тоже смотрит)*. Хорошо бы поставить сегодня еще двух сторожей.

ЦВИ. А завтра? А послезавтра? Черт их ведает, сколько времени они простоят тут. А где мы наберем людей: весь день работать, а потом чуть не каждую ночь караулить. Мало нас!

ЛАНДАУ. Вот потому-то нужно удвоить число караульных — в первую же ночь дадим им такой отпор, чтобы не лезли больше.

ЦВИ *(ложится под пальмой)*. Ох-хо-хо. Что-то ты стал уставать, Цви, прежде ты до полуночи плясал после работы, а теперь — тянет полежать. Куда девались силы, Ландау?

ЛАНДАУ (*садится*). Силы понемногу уходят, Цви. (*Смотрит.*) Помню, когда ты приехал, какие волосы у тебя были, а теперь, брат, обеднела твоя прическа. Какой ты был здоровый парень. Впрочем, еще и теперь арабы тебя не любят. (*Молчат.*) Помнишь, какие камни мы тут взрывали.

ЦВИ. Очень даже помню. Помнишь, как меня ранило в голову осколком? Вы тогда думали, что Цви оставляет вас и уходит к своим предкам.

ЛАНДАУ. Да, ты был весь залит кровью. Как ты это только вынес.

ЦВИ. Вынес, как видишь. Теперь на месте этого проклятого камня стоит школа для детей. Каждый раз, когда прохожу мимо, я говорю к камню: видишь, дурак ты этакий, зачем ты мне голову разбил? Послушай, как славно дети учатся. (*Молчание.*)

ЦВИ. А знаешь, Ландау. Не стоило ведь и школу строить, и голову из-за этого разбивать.

ЛАНДАУ. Как так?

ЦВИ. Очень просто: в школе теперь девять детей — стоило ли для девяти детей столько сил тратить на постройку школы. Мне рисовалось, что в этой школе будут учиться — девяносто детей. Эх, Ландау, Ландау! Опростоволосились мы с тобой! Посмотри кругом, как много работы еще. Там еще стоит болото, и некому его высушить — мало нас. А болото это нас всех в могилу сведет своей лихорадкой. Вон тут какая прекрасная земля стоит невозделанная — мало нас! Мы и так через силу работаем. А где те тысячи евреев, которых мы ждем здесь вот уже сколько лет? Мы, брат, сидим с тобой здесь, хинин попиваем да с бедуинами перемигиваемся, а наши последователи живут себе там: обзавелись семьями, имеют почетные титулы, капиталы.

ЛАНДАУ. У тебя более почетный титул, а капиталу твоему — цены нет. Смотри, какая пшеница теперь выросла на пустынных песках.

ЦВИ. Нет, брат — всего этого не надо было для нескольких человек. Мы это готовили для народа, а где народ? Он сидит себе по местечкам России и Польши и не думает даже о нас. Титул, ты говоришь: знаешь, — какой у меня титул? дурак — вот мой титул. Капитал мой тоже не очень велик: старый чайник да вот это ружье. Даже жениться я не сумел. Там жениться я не хотел, хотел себе невесту подобрать тут, на работе. Тут же свободной девицы не оказалось для меня. До сих пор, может быть, уже сидел бы в школе хоть еще один мальчишка, десятый, похожий на меня. Не так досадно было бы на этот проклятый камень.

ЛАНДАУ. Но пойми, что война остановила движение. Ведь мы уже столько лет отрезаны от мира. Кто знает, что там происходит. Носятся

слухи, что десятки тысяч молодых людей готовятся в дорогу сюда. Подождем, посмотрим.

ЦВИ. Конечно, ты подождешь — что тебе еще осталось делать. Подождешь, пока вся морда у тебя станет как печеное яблоко, руки будут дрожать. Жди. Почему они до войны не ехали, когда мы с тобой помчались сюда, как раввин за слетевшей шляпой? Почему они теперь не рвутся сюда через моря, пустыни и горы? А? Ландау? Почему нам денег не шлют — ведь мы голодаем?

ЛАНДАУ (*смотрит*). Слушай, Цви. Если ты так настроен, почему ты не поедешь обратно?

ЦВИ (*садится*). Что ты сказал, Ландау? Я чтобы уехал отсюда? (*Молчит, похлопывает рукой по земле и молча смотрит на Ландау.*)

ЛАНДАУ. Ты почему молчишь?

Цви смотрит и похлопывает по земле рукой.

ЛАНДАУ (*ударяет его по плечу*). А-а! (*Смеется.*) Ты гладишь ее, землю эту. (*Оба смеются.*) Есть на ней и кровь твоя, и пот твой. Ну так нечего молоть языком. (*Встает.*) Я верю, они придут сюда — тысячи молодых, сильных. Мне моментами кажется, что я слышу их голоса. Они где-то там, за линией огня. Ведь еще не убраны трупы, еще не остыли орудия, и весь мир с его границами похож теперь на сумасшедший дом, на тюрьму. Они придут, старый товарищ, — вот увидишь. (*Молчание.*)

ЦВИ. Старый отец у меня там остался и маленький братик, любимый мой, курчавый Йоська. Что с ними? Хоть бы одно слово о них услышать — живы ли.

ЛАНДАУ (*глухо*). А я никого не имею там. Почти никого. Так только, призрак, видение детства. (*Встряхнувшись.*) Если грусть пришла в гости, старый товарищ, выйди в поле. Посмотри, какая пшеница выросла в этом году. Прислушайся к ней, она тебе нашепчет о чем-то, чего и рассказать нельзя. Легче станет. Или там, за горой, как хорошо растут наши эвкалипты. Турки только часть вырубili, а оставшиеся уже шумят, как настоящий лес. И птицы там водятся, песни поют.

ЦВИ (*встает, из-под руки смотрит к бедуинам*). Молятся. Скота у них много.

ЛАНДАУ. Что это с Нахманом: уже третий день, как он в город уехал. Что могло его задержать?

ЦВИ. Новостей много привезет. Может быть — письма. Мне ночью снился мой братик. Мама, бывало, говорит: если приснился кто-нибудь далекий, значит, или он сам, или письмо от него будет.

ЛАНДАУ. Но почему Нахман там так долго сидит? Ведь он знает, теперь рабочее время.

ЦВИ. Завертелся в городе. Весело там: в каждом доме пианино тинь-тинь-тинькает. Бледные барышни романы читают, от солнца прячутся, собираются в Париж. Всё это ново, вот и завертелся Нахман, горячая голова. (*Смотрит.*) Кажется, кто-то идет далеко по меже.

ЛАНДАУ (*смотрит*). Идет кто-то. Кто бы это был?

ЦВИ. Не араб — это я вижу. Кто же это так поздно? Неужели Нахман?

ЛАНДАУ. Да. Мне кажется, что это Нахман. Да, да — Нахман.

ЦВИ. А тебе не кажется, Ландау, что далеко на горизонте двигается большая масса? Если это караван арабов, то он очень большой. Ты видишь?

ЛАНДАУ. Да, Цви, я вижу. О-о, как они растянулись. Темнеет быстро, разглядеть нельзя. Надо бы подготовиться на всякий случай. (*Громко свистит три раза.*)

Мужчины бегут из колонии с ружьями.

ЛАНДАУ (*ко всем*). Вон оттуда движется большая масса; может быть, это бедуины. (*Все смотрят.*) Темно уже, плохо видно. Мы можем очутиться между двумя лагерями бедуинов. На всякий случай займем места. Стрелять только по команде — помните, товарищи. (*Все заряжают ружья. Ложатся за камнем, за деревьями.*)

ЦВИ. Кажется, Нахман идет. Как бы кто-нибудь не потерял на него заряда по ошибке. (*Смотрит.*) Идет, идет. (*Кричит.*) Ты, Нахман?

НАХМАН (*издали*). Я. Я. Шалом!

ЛАНДАУ. Что слышно у бедуинов? Эх, нет между нами Эфраима Липского. Тот и в темноте видел, как кошка. (*Смотрит.*) Ничего, тихо у них, как будто.

ЦВИ. Да, нет Эфраима! При жизни он хорошо видел, зато теперь он не видит ничего. (*Смотрит.*) Нахман исчез. А, вот он!

НАХМАН (*громко*). Шалом, товарищи. Вы это что с ружьями? В чем дело?

ЦВИ. Не кричи так, дорогой. Хотя в городе, говорят, очень весело, но у нас, может быть, сейчас веселее будет: мы ждем нападения бедуинов.

НАХМАН. Ха-ха-ха! Какое нападение? Какие бедуины?

ЦВИ. Видишь — сегодня разложились лагерем. (*Показывает.*) Не очень далеко, правда? Теперь смотри сюда. Плохо видно уже. Видишь, с горы ползут.

НАХМАН. Ха-ха-ха! Бросьте ружья! Плюньте на бедуинов! Кто нам теперь страшен? Вина, вина! (*Плещет.*)

ЦВИ. Он помешался в городе. *(Все удивленно смотрят.)*

ЛАНДАУ. Нахман, приди в себя. Что с тобою?

НАХМАН. Братики! Пароход пришел — первый пароход. Я ждал его три дня. Сегодня пришел. Несколько сот молодых парней и девушек. Идут сюда, в нашу колонию. Они не захотели оставаться в городе. Это они с горы спускаются.

ЦВИ *(вскакивает, хватая его за руку)*. Правда? *(Все окружают его.)*

НАХМАН. Какие бедуины теперь страшны нам! Готовьте плуги и серпы. Теперь закипит работа. *(Пляшет.)*

ЦВИ *(хватает его за плечо и тормошит. Кричит)*. Нахман! Нахман! Правда? Вот я схвачу камень и голову тебе расшибу. Нахман! Нахман!

НАХМАН. Клянусь, правда, Цви. *(Обнимает его.)* Сейчас они придут. Они говорят, что за этим пароходом еще сто пароходов придет. Сотни тысяч...

ЛАНДАУ. Нахман, ты говорил с ними? Какие они?

НАХМАН. Они молодые, прекрасные. Они такие, какие были мы, когда приехали сюда десять лет назад.

ЦВИ. Ну, если они такие, каким был ты, то это большой комплимент для них.

НАХМАН. Цви, осел! Неси вино, готовьтесь к встрече. Тш-ш-ш. Вы ничего не слышите?

ЦВИ. Мне кажется...

ЛАНДАУ. Товарищи... мне, может быть, мерещится... поют...

ЦВИ. Атиква!⁵⁷ *(Прыгает.)*

ЛАНДАУ. Да-да. Атиква. Дорогие товарищи. Мы дожили. Слава Богу! Мы дожили. Теперь и умереть не страшно.

ЦВИ. Вот, луна выходит, теперь виднее стало. Они идут уже по нашему полю. Как они идут — земля дрожит.

ЛАНДАУ *(тихо)*. Идите гордо, идите крепко, братья дорогие. Вы уже идете по вашему полю.

Пенье крепнет. Слышен топот многих ног. Из колонии бегут женщины, дети.

КОЛОНИСТЫ. Вот-вот. Видишь. Вот уже у колодца. У ворот. *(Показываются шеренги халуцов. Впереди — знамя. Медленно идут, поют. Останавливаются.)*

КОЛОНИСТЫ. Эйдад! Эйдад!

⁵⁷ Еврейский национальный гимн. Атиква *(ивр.)* — надежда.

Крики: «Ты, Борух! Зелда — милая моя! Ицхак, друг мой!» Объятия, поцелуи.

ЛАНДАУ. Благословенны прибывающие.

ВСЕ. Эйдад.

ЙОСИФ (*кудрявый парень выступает*). В вашей колонии был когда-то Цви Берман. Не знаете ли, товарищи, где он теперь?

ЦВИ (*смотрит мгновенье*). Йоська! Братик мой милый! (*Целует, прижимает его.*)

ЙОСИФ (*восторженно смотрит на него*). Так это ты, брат мой, Цви? Мой брат — герой? Позволь мне, брат-герой, поцеловать твою руку. (*Целует руку.*)

ЦВИ (*целует его в голову, плачет*).

Общее молчание.

ЦВИ. Какой же ты большой, Йоська! Тебя невозможно узнать. Откуда у тебя усы? У тебя ведь не было усов, когда я тебя оставил! Йоська! Йоська! Йоська! (*Трясет его за плечо.*)

ЙОСИФ. Из нашего местечка тут был еще Эфраим Липский. Где он?

ЦВИ. Его уже нет. Умер от голода во время войны.

ХАЛУЦ. Где Залман Цирлин из Погребища?

ЦВИ. В городе, в больнице. Болен лихорадкой.

ЙОСИФ. Почему вы все с ружьями?

ЦВИ. Вырастешь, узнаешь.

ЙОСИФ. Нет, брат, почему вы все с ружьями?

НАХМАН. Много толку ты добьешься у своего брата.

ЦВИ. Нахман! Сейчас я камнем тебе голову разобью.

НАХМАН (*не слушает его*). Вот видишь там под горой чернеют палатки?

ЙОСИФ. Не вижу.

ХАЛУЦ. Я тоже не вижу.

ЦВИ. Что ты им толкуешь! Они еще ничего не знают. Они еще не отличают бедуина от сефардского раввина.

НАХМАН. Там бедуины раскинули лагерь, и, может быть, они придут ночью лошадей красть.

ЙОСИФ. Дай мне твое ружье, брат. Отдохните, усталые, измученные, забытые. Мы пришли вам на смену.

ХАЛУЦ. Мы сами нападём на бедуинов и прогоним их.

ЦВИ. Может быть, еще и лошадей у них заберете?

НАХМАН. Давай ружье, Цви. Иди с братом в колонию. Я пока-раулю здесь за тебя.

ЛАНДАУ. Товарищи, нет ли между вами кого-нибудь из города Винницы?

ГОЛОС ЖЕНЩИНЫ (*из-за ряда халуцов*). Есть.

ЛАНДАУ (*вздвигнув*). Кто это?

Расступаются. Медленно выходит Сара Ефимовна. В руках у нее букет красных цветов. Одета как халуца.

САРА. Шалом, Ландау!

ЛАНДАУ (*отступает*). Сара? Ты это? (*К ней*.) Вы, Сара Ефимовна? Почему же Вы... Сара Ефимовна! (*Берет ее за руку*.) А я только хотел спросить о вас. Товарищи! Это... это — Сара. Это — видение моего детства. Она пришла к нам. Пришла! Не правда ли, Сара?

САРА. Да, Ландау, я пришла. Я очень поздно пришла.

ЛАНДАУ. Ах, как это хорошо, Сара. Нет, не поздно. Хватит еще тут работы для всех. Шалом, Сара! Шалом! (*Держит все время ее руку*.) На родной земле — шалом!

ЦВИ (*ударяет Ландау по плечу*). Ах ты, злодей! Почему же ты никогда не говорил? Знаешь, Сара, он всегда одно говорил: «Подождем». (*К Ландау*.) Хорошо тебе было ждать, когда ты знал, что приедет к тебе такая красавица.

ЛАНДАУ. Я не знал, Цви. Я не знал, мой старый друг. Это было видение, только видение.

ЦВИ. Хорошее видение. (*Хватает Сару за вторую руку. Поет*.) «Народ Израиля жив! Израиль отстроит свой дом».

Большой круг танцующих. Все поют. Потом постепенно, парами, по трое, по двое, расходятся.

ХАЛУЦ. Ландау, дайте мне ружье: я за вас покараулю.

ЛАНДАУ. Нет, дорогой! Еще успеешь. Иди, отдохни.

САРА. Я побуду здесь с вами, Ландау, — можно?

ЛАНДАУ. Отдохните.

САРА. Я не устала.

Все уходят. Нахман вскидывает ружье и отходит. Остаются только Сара и Ландау.

ЛАНДАУ. Где же ваш отец, Сара.

САРА (*задумчиво*). У нас в саду была огромная старая береза. Каждую весну вставляли в ее ствол трубку и пили из дерева сок. Вы помните ее?

ЛАНДАУ. Помню. Через забор видел.

САРА. На не<й> повесили моего отца. (*Молчание*.) А мне казак разбил голову револьвером. Я долго после этого болела, чуть не умерла. Но этот удар — спас меня.

ЛАНДАУ. Я писал вам.

САРА. Одно письмо я получила в день смерти отца. Какое это было утешение для меня. Спасибо вам. Теперь я одна-одна во всем мире. (*Молчание.*) А Вы, Ландау? Черный Вы стали и в волосах седина. Тяжело жилось, друг мой?

ЛАНДАУ. Всякие бывали времена, но страшнее всего была глухая тишина, окружившая нас. Но всё это прошло — не правда ли? И вы теперь здесь, Сара. Я вижу вас наяву. И вы здесь, на нашем поле. Это символ, Сара: эта земля, это поле — и ты! И ты, Сара, моя любовь, моя мечта, мое светлое видение! Боже! Это слишком огромное счастье — я не достоин его. (*Целует ее руку.*)

САРА. Дружок мой. На вашем поле я насбирала эти красные цветы. Всё поле усеяно ими. Я срывала цветок и думала: эти цветы Ландау, его молодые силы превратились в цветы.

ЛАНДАУ. Их зовут — Кровь Маккавеев, Сара. Вся Палестина усеяна ими, и есть повер^{<ье>}, что земля до сих пор не хочет принять Крови Маккавеев, и капли ее стоят сверху в виде этих цветов.

САРА. Кровь Маккавеев? (*Смотрит на цветы.*) Кровь Маккавеев? (*Кладет ему голову на плечо.*) Ты — кровь Маккавеев.

ЛАНДАУ. Мы все — кровь Маккавеев.

Занавес

21 Мая 1925

Литература

Горький М. Из литературного наследия: Горький и еврейский вопрос / Авт.-сост.: М. Агурский, М. Шкловская. Иерусалим: Еврейский университет в Иерусалиме; Центр по исследованию и документации восточноевропейского еврейства, 1986. 535 с.

Кацис Л. Царь Соломон, Алексей Ремизов и Голландия // Лехаим. 2004. № 12 (152). URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/152/katsis.htm> (дата обращения 16.02.20).

Маор И. Сионистское движение в России / Авториз. сокр. пер. О. Минц. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1977. 450 с.

Маркиш Ш. Русско-еврейская литература: предмет, подходы, оценки // Новое литературное обозрение. 1995. № 15. С. 217–250.

Ремизов и Голландия: Переписка с Б.Н. Рапчинским (1947–1957) / Сост. Т.В. Цивьян; отв. ред. Вяч.Вс. Иванов. М.: Наука, 2004. 165 с.

Тименчик Р. Глаз и слово // Лехаим (Москва). 2006. № 8 (172). URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/172/timenchik.htm> (дата обращения 16.02.20).

Тименчик Р. Русское слово о Земле Израила // Лехаим (Москва). 2006. № 4 (168). URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/168/timenchik.htm> (дата обращения 16.02.20).

Хазан В. О некоторых псевдонимах деятелей эмигрантской русско-еврейской печати (парижские еженедельники «Еврейская трибуна» и «Рассвет») // Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / Под ред. М. Шрубы и О. Коростелева. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 84–87.

Хазан В. Пинхас Рутенберг: от террориста к сионисту. Опыт идентификации человека, который делал историю: В 2 т. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2008. 974 с.

Хазан В., Кацман Р. «...Перо Ваше умелое, много сердца»: Из переписки Авраама Высоцкого и Георгия Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре: сб. статей. Вып. 8 / Под ред. М.П. Гребневой, Т.В. Чернышевой. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2019. С. 113–145.

Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков: письма в Петербург (1912–1916) // Алтайский текст в русской культуре: материалы третьей региональной научно-практической конференции, 4–6 мая 2006 г. Вып. 3. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2006. С. 172–235.

Яновский Н.Н. Материалы к словарю «Русские писатели Сибири XX века»: Библиографические сведения. Новосибирск: Горница, 1997. 189 с.

Eeten-Koormans J. van. Boris Rapschinsky (1887–1983) // *Studia Rosenthaliana*. 1996. Vol. 30. № 2. P. 282–303.

Hetényi Z. In a Maelstrom: The History of Russian-Jewish Prose (1860–1940). Budapest and New York, Central European University Press, 2008. 316 p.

Katsis L., Tolstoy H. Judaica Rossica — Rossica Judaica // *Jewishness in Russian Culture: Within and Without* / Ed. L. Katsis, H. Tolstoy. Leiden: Brill, 2014. P. 1–20.

Katsman R. Boris Pasternak's Doctor Zhivago in the Eyes of the Israeli Writers and Intellectuals (A Minimal Foundation of Multilingual Jewish Philology) // *Around the Point: Studies in Jewish Multilingual Literature* / Ed. Hillel Weiss, Roman Katsman, Ber Kotlerman. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 643–686.

Murav H. Music from a Speeding Train: Jewish Literature in Post-Revolution Russia. Stanford CA: Stanford University Press, 2011. 416 p.

Shrayer M.D. General Introduction: The Legacy of Jewish-Russian Literature // *Voices of Jewish-Russian Literature* / Ed. M.D. Shrayer. Boston: Academic Studies Press, 2018. P. XXI–LVIII.

Smola K. Contemporary Russian-Jewish Literature and Reinvention of Jewish Poetics // *Around the Point: Studies in Jewish Literature and Culture in Multiple Languages* / Ed. H. Weiss, R. Kasman, B. Kotlerman. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 607–638.

References

Cherniaeva T.G. G.D. Grebenshchikov: pis'ma v Peterburg (1912–1916) [G.D. Grebenshchikov: Letters to Petersburg]. *Altaiskii tekst v russkoi kul'ture: materialy tret'ei regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 4–6 maia 2006 g.* [The Altay Text in Russian Culture: Proc. 3d Regional Sci. Conf, May 4–6, 2006], issue 3. Barnaul, Altay University Publ., 2006, pp. 172–235. (In Russ.)

Eeten-Koopmans J. van. Boris Rapschinsky (1887–1983). *Studia Rosenthaliana*, 1996, vol. 30, no. 2, pp. 282–303. (In English)

Gor'kii M. *Iz literaturnogo nasledii: Gor'kii i evreiskii vopros* [From literary legacy: Gorky and the Jewish question], comp. M. Agurskii, M. Shklovskaiia. Jerusalem, Hebrew University Publ., Eastern European Jewry Research and Documentation Center Publ., 1986. 535 p. (In Russ.)

Hetényi Z. *In a Maelstrom: The History of Russian-Jewish Prose (1860–1940)*. Budapest and New York, Central European University Press, 2008. 316 p. (In English)

Ianovskii N.N. *Materialy k slovari "Russkie pisateli Sibiri 20 veka": Bibliograficheskie svedeniia* [Materials to the dictionary "Russian writers of Siberia in the 20th century": Bibliographic information]. Novosibirsk, Gornitsa Publ., 1997. 189 p. (In Russ.)

Katsis L. Tsar' Solomon, Aleksei Remizov i Gollandiia [The King Salomon, Alexey Remizov and Holland]. *Lekhaim*, 2004, no. 12 (152). Available at: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/152/katsis.htm> (accessed: 16.02.20). (In Russ.)

Katsis L., Tolstoy H. Judaica Rossica — Rossica Judaica. *Jewishness in Russian Culture: Within and Without*, ed. L. Katsis, H. Tolstoy. Leiden, Brill, 2014, pp. 1–20. (In English)

Katsman R. Boris Pasternak's Doctor Zhivago in the Eyes of the Israeli Writers and Intellectuals (A Minimal Foundation of Multilingual Jewish Philology). *Around the Point: Studies in Jewish Multilingual Literature*, ed. Hillel Weiss, Roman Katsman, Ber Kotlerman. Newcastle, Cambridge Scholars Publishing, 2014, pp. 643–686. (In English)

Khazan V. O nekotorykh psevdonimakh deiatelei emigrantskoi rusko-evreiskoi pechati (parizhskie ezhenedel'niki "Evreiskaia tribuna" i "Rassvet") [On some pseudonyms of the Russian-Jewish émigré press characters (Parisian weeklies "Evreiskaia tribuna" and "Rassvet")]. *Psevdonimy russkogo zarubezh'ia: Materialy i issledovaniia* [Pseudonyms of Russian diaspora: Materials and studies], ed. M. Schrubu and O. Korostelev. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, pp. 84–87. (In Russ.)

Khazan V. *Pinkhas Rutenberg: ot terrorista k sionistu. Opyt identifikatsii cheloveka, kotoryi delal istoriiu* [Pinkhas Rutenberg: from terrorist to Zionist. An attempt of identifying a person who was making history], in 2 vols. Jerusalem, Gesharim Publ., Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2008. 974 p. (In Russ.)

Khazan V, Katsman R. "...Pero Vashe umeloe, mnogo serdtsa": Iz perepiski Avraama Vysotskogo i Georgiia Grebenshchikova ["... Your pen is masterful, very hearty": From the correspondence between Avraam Vysotsky and Georgy Grebenshchikov]. *Altaiskii tekst v russkoi kul'ture: sb. statei* [The Altay Text in Russian Culture], issue 8, ed. M.P. Grebneva, T.V. Chernysheva. Barnaul, Altay University Publ., 2019, pp. 113–145. (In Russ.)

Maor I. *Sionistskoe dvizhenie v Rossii* [The Zionist movement in Russia], transl. O. Mints. Jerusalem, Biblioteka-Aliia Publ., 1977. 450 p. (In Russ.)

Markish Sh. Russko-evreiskaia literatura: predmet, podkhody, otsenki [Russian-Jewish literature: subject, approaches, evaluations]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1995, no. 15, pp. 217–250. (In Russ.)

Murav H. *Music from a Speeding Train: Jewish Literature in Post-Revolution Russia*. Stanford CA, Stanford University Press, 2011. 416 p. (In English)

Remizov i Gollandiia: Perepiska s B.N. Rapchinskim (1947–1957) [Remizov and Holland: Correspondence with B.N. Rapchinsky (1947–1957)], comp. T.V. Tsivian, ed. Viach.Vs. Ivanov. Moscow, Nauka Publ., 2004. 165 p. (In Russ.)

Shrayer M.D. General Introduction: The Legacy of Jewish-Russian Literature. *Voices of Jewish-Russian Literature*, ed. M.D. Shrayer. Boston, Academic Studies Press, 2018, pp. XXI–LVIII. (In English)

Smola K. Contemporary Russian-Jewish Literature and Reinvention of Jewish Poetics. *Around the Point: Studies in Jewish Literature and Culture in Multiple Languages*, ed. H. Weiss, R. Katsman, B. Kotlerman. Newcastle, Cambridge Scholars Publishing, 2014, pp. 607–638. (In English)

Timenchik R. Glaz i slovo [Eye and word]. *Lekhaim*, 2006, no. 8 (172). Available at: <https://lechaim.ru/ARHIV/172/timenchik.htm> (accessed: 16.02.20). (In Russ.)

Timenchik R. Russkoe slovo o Zemle Izrailia [Russian word about the Land of Israel]. *Lekhaim*, 2006, no. 4 (168). Available at: <https://lechaim.ru/ARHIV/168/timenchik.htm> (accessed: 16.02.20). (In Russ.)

“...I would be happy to find a little bit of a place in Russian literature...”: Abraham Vysotsky’s letters to Maxim Gorky

© 2020, Vladimir Khazan, Roman Katsman, Larisa Zhukhovitskaya

Abstract: The published materials are the correspondence of Maxim Gorky and Abraham Leibovich Vysotsky, which had been awaiting publication for many years. Publishers raise the question of A.L. Vysotsky’s place in Jewish literature in Russian and in Russian literature. It is noted that Vysotsky’s works, appreciated by M. Gorky, who published a number of them in the journals “Letopis” and “Beseda”, were not included in the canon of both Russian literature as well as its Russian-Jewish branch, and Israeli literature in Russian. The writer’s biography, genesis and poetics of his works have so far remained beyond the attention of researchers, and one of the objectives of this publication is to try to fill this gap. In the introductory

article, relying on archival materials, Vysotsky's biography is reconstructed, a number of important facts are clarified, including his date of birth, information about his education, literary activity and connection with the Zionist movement is presented, the most significant periods of his life in Russia and Eretz Israel, where he repatriated in 1920, are described, and information on translations of his works into other languages and experiments on their staging is reported. Particular attention of the publishers is focused on the history of interaction between Vysotsky and Gorky who never met personally. This interaction developed exclusively in correspondence, which initially concerned Vysotsky's attempts to offer his short stories to Gorky for publication in his journals. Letters are published according to autographs from the Gorky Archive (Institute of World Literature). The publication is supplemented by two appendixes containing Vysotsky's essay "Maxim Gorky and Zionism" and his drama "Blood of the Maccabees".

Keywords: Maxim Gorky, Abraham Vysotsky, Russian Jewish literature, the Zionist movement.

Information about the authors: Vladimir Khazan, PhD, Professor, Hebrew University, Jerusalem, Israel. E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

Roman Katsman, PhD, Professor, Bar-Ilan University, Ramat Gan, Israel. E-mail: roman.katsman@biu.ac.il

Larisa Zhukhovitskaya, Research Engineer, Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russia. E-mail: zhuhovicki@gmail.com

Citation: Khazan Vladimir, Katsman Roman, Zhukhovitskaya Larisa. "...I would be glad to find a little bit of a place in Russian literature...": Abraham Vysotsky's letters to Maxim Gorky. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 1 (15), pp. 115–174. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-115-174